

Врачебные [секреты]

Ирина Градова

ЗАБЫТАЯ КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Ирина Градова
Забытая клятва Гиппократ
Серия «Врачебные секреты»
Серия «Сыщица в
белом халате», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599827
Забытая клятва Гиппократ: Энсмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-48140-8

Аннотация

Медицинское сообщество города в панике – кто-то похищает врачей и медсестер и делает им смертельную инъекцию! Отдел медицинских расследований, где работает врач Агния Смольская, выяснил: убитые медработники допустили врачебную ошибку, погубившую больного, и вышли сухими из воды. Также стало известно, что все жертвы незадолго до гибели получали анонимные письма, в которых говорилось о неотвратимости возмездия... Совершенно случайно Агния обнаружила подобное письмо у своего мужа, хирурга Олега Шилова. Недавно его пациент умер во время операции, но вины Шилова в этом нет... Надо срочно найти неведомого мстителя, пока убийца не добрался до мужа!

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ирина Градова

Забытая клятва

Гиппократа

Пролог

Он не знал, сколько прошло времени. Вот уже несколько лет он не носил часов, предпочитая мобильный телефон. Однако даже если бы часы и были у него на запястье, он все равно не смог бы узнать, который час, ведь руки связаны за спиной! Ноги также накрепко примотаны к ножкам стула, который, в свою очередь, намертво прикреплен к полу.

Как бы вы себя чувствовали, если бы вас схватили прямо в подъезде, надев на голову воняющий сырой рыбой мешок, и вдобавок ко всему стукнули по голове так, что искры из глаз? Он как чувствовал, что не стоит заходить в подъезд, когда заметил, что лампочка в предбаннике не горит. Эх, нужно было остаться на улице и подождать кого-то еще, собирающегося войти или, по крайней мере, позвонить жене, чтобы она выглянула в окно... Хотя что теперь говорить? Он этого не сделал, а потому сидит сейчас здесь, то ли в подвале, то ли в сарае, пригвожденный к месту и томимый ожиданием и ужасом – что с ним собираются сделать? И ведь знал

же, знал, что кто-то имеет на него зуб! В милиции сказали, что письма с угрозами сами по себе ни о чем не говорят, что нужны более веские доказательства того, что ему грозит что-то страшное. В общем, типа «приходите, когда вас пристрелят, тогда и разберемся»! Чем же и кому он так насолил?

Звук поворачивающегося со скрипом в замке ключа заставил его вздрогнуть и напрячься. Сейчас все станет ясно, сейчас он наконец сможет договориться с незнакомцами. Он не сомневался, что ему удастся выиграть себе время, а уж потом – держитесь, сволочи, все сядете, все до единого!

Вспыхнул яркий свет, ударивший прямо в глаза, и он невольно на секунду зажмурился, так как за долгие часы сидения в темноте привык к ней и даже мог различать очертания предметов вокруг. В помещение вошел человек. И при виде его лица стало понятно, что *договориться* не получится.

* * *

Приходя домой позже Шилова, я обычно застаю его на кухне – пьющим зеленый чай в ожидании моего прихода или возящимся у плиты. Надо же, я всю жизнь мечтала встретить мужчину, умеющего готовить, но считала это несбыточным желанием, ведь российский мужчина в лучшем случае способен без приключений только сварить сосиски или яйцо вкрутую. Но мне повезло! Олег – прекрасный кулинар, и я

с удовольствием вкушаю изыски восточной кухни – правда, без мяса. В те же дни, когда мы оба чувствуем ностальгию по типично русской еде, готовлю я. В последнее время, однако, это случается все реже.

Так вот, как я и сказала, в будний день вечером Олега частенько можно застать на кухне. Но это – когда он в хорошем расположении духа. В то же время я всегда без труда узнаю, когда у него плохое настроение. Работа у Шилова тяжелая – и физически, и морально. Являясь оперирующим ортопедом, он занимает должность заведующего отделением ортопедии и травматологии. Это означает, что стрессов в его жизни хватает, и порой мне приходится играть роль громоотвода, мягкой жилетки и японской гейши – все в одном флаконе. Вот и сегодня, едва войдя в квартиру, я сразу почувствовала неладное. Куся, моя черная терьерша, в данный момент живет у мамы с Дэном, иначе она обязательно выскочила бы в коридор и принесла мне тапку. Вторым, как правило, появляется Олег – если он дома. Но сейчас Шилов не вышел мне навстречу. Это могло иметь два объяснения: либо мой муж устал как собака и просто не в состоянии подняться с дивана, либо потерял пациента.

Войдя в гостиную, я увидела, что Олег сидит на диване, пялясь в экран телевизора. Именно пялясь, потому что звук оказался выключен, а показывали шоу «Дом-2», которое в здравом уме Шилов не стал бы смотреть даже под дулом автомата.

– Ну, – вздохнула я, – и что у нас плохого?

Он посмотрел так, словно мое появление оторвало его от медитации.

– А-а... Это ты.

– Что случилось? Неприятности?

– Как тебе сказать...

– Да уж ты скажи как есть, – предложила я, садясь в кресло напротив. Когда Олег в таком состоянии, бесполезно пытаться приласкаться к нему или начать жалеть, словно маленького ребенка, – он этого не примет. Нужно просто разговаривать. Всем известно, что проблема становится гораздо меньше, когда ее обговоришь в деталях с тем, кому ты небезразличен. Этому научила меня жизнь и мой коллега по ОМР (Отдел медицинских расследований), психиатр Павел Кобзев. Я присоединилась к этой новой организации около двух лет назад, никак не ожидая, что работа мне понравится, а коллеги станут близкими друзьями. Кажется, с тех пор минула целая вечность.

– Так что же произошло? – терпеливо продолжала я вопрос. – Главный или пациент?

– Пациент, – нехотя выдавил из себя Шилов.

– Как это случилось?

Я знаю, что Олег всегда тяжело переживает каждую потерю и долго копается в себе, пытаясь понять, не допустили ли в чем-то ошибку.

– Во время операции, – кивнул он. – Все так по-дурацки

вышло – ты не поверишь! На сегодня была запланирована операция одного мужика со сложной проблемой в колене, да еще и сердце ни к черту. Если бы я мог решать, то вообще отговорил бы его от операции. С другой стороны, он занимал довольно высокую должность, хотел полноценно работать, а не орать от боли каждый раз, как опирается на левую ногу...

– Так умер-то мужик от чего?

– Сердце не выдержало, кажется.

– Так это не твоя вина! – воскликнула я. – Кто у вас был анестезиолог?

– Роман Извеков.

Так, это уже хуже. Мы с Романом не ладим – с самого первого дня, как он появился у нас на анестезиологии. Даже объяснить не могу, что конкретно в этом парне меня не устраивает. Он довольно молодой, лет тридцати пяти или вроде того, амбициозный, предприимчивый. Каждое из этих качеств само по себе не является отрицательным, но добавьте к ним еще невероятную самоуверенность, нежелание прислушиваться к чужому мнению и, что мне особенно несимпатично, умение подольститься к начальству. Уж на что наша заведующая, Елена Охлопкова, не переносит подхалимов, но и она пала жертвой обаяния Извекова. Правда, никаких *объективных* причин не любить коллегу у меня нет. Разве что кроме одной: когда я еще не была замужем за Олегом, он пытался подкатиться ко мне, считая, что, раз я сплю с Робертом Караевым из ортопедии (мы два года были любовника-

ми), то, значит, даю всем, кто попросит. Ему пришлось испытать разочарование, и с тех пор Роман меня недолюбливает. Впрочем, наши чувства взаимны.

– Значит, ошибся Извеков? – уточнила я.

– Трудно сказать до вскрытия, – покачал головой Олег. – Армен этим займется, как только руки дойдут.

Армен Багдасарян, один из наших патологоанатомов и одновременно хороший приятель Олега.

– Послушай, – сказала я, – у тебя что, действительно есть причины считать, что смерть наступила в результате халатности или врачебной ошибки?

– Да нет, – пожал плечами Шилов. – Не знаю...

– Ты сам говорил, что операцию вообще делать не следовало из-за проблем с сердцем, верно?

Я старалась убедить Шилова, что в смерти больного его вины нет, и в то же время понимала, что он все равно продолжит заниматься самобичеванием. Думаю, на его месте я чувствовала бы то же самое.

Уже позднее, после того как я приняла душ и мы сели ужинать, я сказала:

– У этого твоего покойного пациента есть родственники?

– Да, конечно, – кивнул Олег, ковыряя вилкой в салате с таким остервенением, словно пытался отыскать там спрятанный клад. – Приходили его жена и брат. Именно мне пришлось сообщать им о его смерти. Знаешь, ведь Свиридин давно был моим пациентом, и я знал его как облупленного!

Он раз в полгода ложился в отделение, ему проводили процедуры, иногда кололи синовиальную жидкость. Операцию откладывали до последнего, так как состояние его здоровья вызывало беспокойство. После госпитализации я дважды отменял хирургию – сначала потому, что анализы оказались не в порядке, потом из-за кардиограммы... Ты в курсе, индуисты и буддисты верят в предопределение? Я, как врач, не имею на это право, но сейчас мне кажется...

– Что?

– Мне кажется, что это все были предупреждения, понимаешь? Чтобы не делать Свиридину эту чертову операцию...

Ну что прикажешь с ним делать, с этим моим муженьком? Нет, я только *за*, если у человека повышенное чувство ответственности, но чтобы настолько! Однако я понимала, что перedelывать Олега бесполезно и разговор об этом может лишь привести к скандалу. Скандалов мне хватало в первом браке, поэтому я стараюсь вторично не искушать судьбу. Так я поступила и сейчас.

– Ты будешь зеленый чай или фруктовый? – как ни в чем не бывало поинтересовалась я, вставая из-за стола.

* * *

Мы, питерцы, постоянно ноем, что нам не нравится местная погода. Признаюсь, я одна из тех, кто ноет больше всех. Ненавижу дождливый климат и сырость этого города, веч-

ную грязь на улицах, летом – пыль, зимой и весной – мокрый талый снег. Ненавижу короткое, прохладное лето, во время которого солнечные дни случаются лишь время от времени, тогда как в какой-нибудь Турции или Болгарии полгода можно купаться и загорать.

В это лето все по-другому. Как обычно, июнь прошел незамеченным, с бесконечными дождями и температурой, мало отличающейся от майской. Однако потом начался *ад*. Естественно, поначалу мы радовались тому, что градусник показывает выше тридцати – в кои-то веки и у нас, в Питере, наступило *настоящее* лето! Народ кинулся на пляжи, к водоемам, и наплевать, что официально купаться запрещено – кого и когда это останавливало? Черные, как сенегальские негры, мужчины и женщины бороздили улицы, по которым даже летом снуют синевато-белые тела, покрытые гусиной кожей. Мы ощущали себя как в Египте, только вот рядом, к несчастью, не было Красного моря.

Все бы хорошо, но такая экстремальная жара не тяготит, только если находишься в отпуске. Когда же приходится работать, это настоящая мука – для всех, кроме нас, обитателей «подвала»! Подобно всем государственным и муниципальным больницам в Питере, наша не оснащена кондиционерами. Только в кабинете главного да в некоторых офисах завоёв отделениями стоят вентиляторы, которые, честно говоря, только гоняют пыль из угла в угол, но прохлады почти не добавляют. Как анестезиолог, я провожу большую часть вре-

мени в операционных. Там кондиционер работает в полную силу, и мы не ощущаем дискомфорта. Это в прямом смысле *жизненно* необходимо: разве может обливающийся потом, задыхающийся от духоты врач всерьез отвечать за благополучие пациента на своем столе? Однако, выбираясь на поверхность, мы, как и все остальные, попадаем в пекло. Я по-настоящему сочувствую нашим больным, вынужденным маяться в палатах – особенно тем, чьи окна выходят на солнечную сторону. И, самое главное, тем, кто является «лежачим»! В моем отделении пациенты лежат только сразу после операции, но, попадая по необходимости в другие, я вижу, что большинство тех, кто способен передвигаться самостоятельно, стараются укрыться в коридорах, подальше от окон.

Вот и сегодня мне нужно было обсудить предстоящую операцию с пациенткой из ортопедии. Ей предстояла плановая операция на тазобедренном суставе, и я собиралась задать больной несколько обычных вопросов насчет наркоза. Зайдя в палату, я с удивлением отметила, что женщины резко отпрянули друг от друга, хотя до этого, похоже, что-то оживленно обсуждали.

– Добрый день, – поздоровалась я, испытывая на себе колючие взгляды и честно недоумевая об их причине. – Кто тут Анна Робертовна Нечаева?

– Это я, – отозвалась одна из тех, кто смотрела на меня с недоверием. Это оказалась дама лет шестидесяти. Судя по истории болезни, несколько лет назад она сломала шейку

бедро и с тех пор могла ходить только на костылях. В свое время ей крайне неудачно сделали операцию, и теперь сустав разрушился практически полностью. Нечаевой было показано эндопротезирование. Кстати, надо заметить, что она не являлась пациенткой нашей больницы, но категорически отказалась, чтобы новую операцию делал тот же врач, что и предыдущую, – что ж, ее можно понять!

– Вы анестезиолог? – уточнила Нечаева.

Я подтвердила ее предположение.

– Мне нужно побеседовать с вами насчет наркоза.

Женщины переглянулись, и я вновь почувствовала себя неудобно. Что здесь, собственно говоря, происходит?

– Мне нужен хороший наркоз! – заявила Нечаева. – Сколько это будет стоить?

– Нисколько, – сказала я. – Наркоз у нас бесплатный...

– Знаем-знаем, какой у вас *бесплатный* наркоз! – перебила меня пациентка. – От него потом не пробуждаешься – извините за выражение! Нет, мне нужен такой, от которого просыпаешься быстро и безболезненно.

– Ну, во-первых, «просыпаться» вам и не придется, потому что вы не будете спать, – терпеливо пояснила я. – Анестезия при вашей операции производится регионарная, то есть местная. Во-вторых – и это самое главное, мы не торгуем наркозом: вы получите именно тот, который показан при ваших хронических заболеваниях, если таковые имеются.

Беседуя с больной, я отлично понимала, что она имеет в

виду, говоря о «бесплатном» и «платном» наркозе. В большинстве больниц это устоявшаяся практика: пациентам откровенно втюхивают лабуду насчет того, что анестезия бывает хорошей, то есть платной, после которой оправляешься быстро и без последствий, или плохой – бесплатной, но с отвратительными побочными эффектами. Так как за «хорошую» анестезию берут не так уж много денег – от пяти-сот до тысячи рублей, в зависимости от степени бесстыдства анестезиолога, участвующего в операции, – то большинство предпочитают заранее оплатить свой комфорт. На самом деле в первую очередь наркоз зависит от показаний для данного конкретного пациента – именно поэтому перед операцией необходимо выяснить, нет ли у него аллергии на компоненты анестезии. Ценовая категория лекарственных препаратов, используемых для этих целей, и в самом деле может разниться – это зависит и от составляющих наркоза, и от производителя, однако анестезия, полагающаяся при бесплатных операциях, всегда прилагается также бесплатно. При бывшем заведующем в отделении ортопедии и травматологии такой вид оболванивания больных цвел пышным цветом, но теперь эта лавочка прикрылась: если Шилов прознает, что кто-то занимается такими делами, он устроит страшный скандал. Именно поэтому мало кто рискует с ним связываться, хотя многие недовольны. В других отделениях, насколько мне известно, бывает по-разному. Кое-где всюду идет бойкая торговля не только наркозом, но и кровью для переливания,

а также лекарственными препаратами, которые предлагают купить якобы вместо *бесплатных*, но худшего качества. На самом же деле больницы получают все это, включая наркоз, отнюдь не для продажи. Другое дело, что «хороших» и дорогих препаратов гораздо меньше, чем более дешевых. Соответственно, кому-то должно повезти, потому что он успел «отхватить» импортный вариант, другим – нет, так как легли в больницу позже и осталось, как говорится, что похуже. Но чаще всего врачи в отделениях предпочитают «не пускать дело на самотек».

– Вы просто ответьте на мои вопросы, хорошо? – предложила я пациентке. – И тогда мы выберем тип наркоза.

– Так же, как вы *выбрали* для вчерашнего парня, да? – с издевкой поинтересовалась соседка Нечаевой по палате.

Я не сразу сообразила, о чем речь, а когда поняла, мне стало очень неуютно. Разумеется, эта женщина имела в виду вчерашнюю смерть пациента Шилова. Я открыла было рот, чтобы обелить мужа, но захлопнула его, подумав о последствиях. Однако промолчать я не могла, ведь это означало бы, что сказать мне нечего и пациентки правы!

– А с чего вы взяли, что вчерашний... несчастный случай произошел из-за неправильного выбора наркоза?

Больная не нашлась что сказать и бросила вопросительный взгляд на Нечаеву.

– Ну, – сказала та, – или это, или ошибка хирурга, верно? Какая еще может быть причина?

– Полагаю, – осторожно ответила я, – что без заключения патологоанатома никто не может сказать наверняка. Нужно немного подождать. Но, как врач-анестезиолог, я должна вам сказать следующее: любая операция, как это ни печально, будь это даже удаление гланд или вскрытие фурункула, чревата серьезными последствиями. Иногда они бывают летальными – к сожалению, такова медицинская статистика.

– Вы хотите сказать, что нам всем здесь стоит готовиться к смерти?! – визгливо поинтересовалась Нечаева.

Господи, ну что за день сегодня?!

– Нет, конечно! Однако необходимо принимать во внимание, что операция по замене сустава – сложная процедура. Именно поэтому я сейчас здесь и собираюсь узнать, могут ли у вас возникнуть проблемы с анестезией. Подвергались ли вы раньше операционному вмешательству?

...Выйдя от Нечаевой, я чувствовала себя примерно так же, как в свою бытность в спортивной школе. В течение нескольких лет я посещала секцию легкой атлетики. День там обычно начинался с того, что группа пробегала восемь кругов вокруг огромного стадиона. К концу кросса, взмыленная, с коликами в боку, я думала, что больше не смогу сделать ни шагу. А впереди маячили еще три часа занятий в зале!

– Эй, Агния, ты чего такая убитая? – спросил Андрей Песков. Он как раз выходил из кабинета Олега. – Кто-то умер?

– А то ты не в курсе! – огрызнулась я.

Андрей вмиг посерьезнел.

– Да ты из-за этого, что ли? Брось, Шилов же ни при чем – у мужика «моторчик» был ни к черту!

– Ну, человек-то все равно умер – разве это не повод огорчаться?

– Да... Ладненько, я побегу, а?

– Давай-давай!

Конечно, Андрею не хотелось углубляться в обсуждение смерти пациента, не имеющего к нему отношения. Возможно, человек неискушенный счел бы это за бесчувственность, но на самом деле все не так. Невозможно работать в больнице и относиться к каждому пациенту как к родственнику или другу. И не зря, между прочим, мы, как правило, не участвуем в лечении тех, кого любим: чувства могут заслонить объективную картину, и врач в такой ситуации способен скорее навредить, чем оказать помощь. Именно поэтому мы так не любим обсуждать чужих пациентов – тут со своими-то, дай бог, управиться!

Постучав в дверь кабинета Олега, я вошла. Мой муж разговаривал по телефону с мрачным выражением на лице. Повесив трубку, он сказал:

– Это главный. Хочет знать, как там дела со Свиридиным.

– А почему он тебе звонит, а не Багдасаряну? – удивилась я.

– Боится он Армена, – усмехнулся Олег. – Старается с ним лишний раз не связываться. Кроме того, Свиридин же яв-

лялся моим пациентом!

– А ты с Арменом уже говорил?

– Нет, – покачал головой Шилов. – Не хочу ему мешать и отрываться от дела. Он обещал, что сегодня к концу дня сможет дать заключение.

– Хочешь, я с тобой схожу? – предложила я.

Шилов в курсе, как я ненавижу морги. Нет, на самом деле я не знаю никого, кто любил бы эти места, – ну, разве что кроме Багдасаряна и, конечно же, Леонида Кадреску, патологоанатома ОМР. Однако ради Олега я готова наступить на горло своим чувствам. Дело не в том, что я боюсь покойников – для врача это было бы странно. Да и чего их бояться – тех, кто уже никому и никогда не причинит вреда при всем желании? Просто сама обстановка морга вызывает у меня неприятие: резкий запах формалина, стерильность, которой может позавидовать любая операционная, яркий свет, слепящий глаза, железные прозекторские столы...

– Правда? – спросил Олег с надеждой.

– Конечно, правда. Позвони мне, когда соберешься.

* * *

– Ну, и что ты можешь сказать? – спросил Олег, когда мы с ним сидели в закутке Армена Багдасаряна рядом с прозекторской, где стоял его стол. – Какова причина смерти?

Мне Армен нравится. Он очень приятный в общении че-

ловек, и его занятие, похоже, не наложило на него заметного отпечатка. В меру веселый и общительный, очень обходительный мужчина, в работе он серьезен и тщателен, а его отчеты всегда обстоятельны и точны.

– Могу с уверенностью заключить, что пациент умер от анафилактического шока, – ответил Армен.

– Значит, все-таки аллергия на анестезию! – пробормотала я.

– Получается, виноват Извеков? – уточнил Олег, и я заметила, что у него словно камень с плеч свалился. Однако Армен покачал головой.

– Я бы так не сказал.

– То есть?

– Видите ли, друзья мои, по медицинской статистике, аллергией на наркоз обладает примерно один человек из пятнадцати тысяч. К сожалению, именно таким человеком и оказался ваш Свиридин. В подобных случаях обычно говорят, что предугадать такой печальный исход невозможно. Врачебной инструкцией предусмотрено обязательное проведение перед операцией профилактического теста на совместимость препаратов, входящих в наркоз, с организмом пациента. Однако, как показывает практика, никакие профилактические тесты не могут предотвратить аллергическую реакцию на наркоз, обычно заканчивающуюся летальным исходом. Смерть от наркоза является далеко не редкостью! Невозможно объяснить такие случаи, когда, например, чело-

век всю жизнь принимает аспирин, а потом вдруг, проглотив очередную таблетку, умирает от аллергии на это лекарство!

Здесь Армен абсолютно прав: никто не знает, когда в организме человека скапливается опасная концентрация аллергенных веществ, что иногда приводит к трагедиям. Провести предварительное тестирование можно только в одном случае – если речь идет о местном обезболивании. В этом случае лекарство вводят пациенту под кожу в небольшом количестве, при этом наблюдая за реакцией организма. Если вдруг возникает местная реакция, врач принимает решение о замене анестетика.

– Судя по записям, – сказал Шилов, листая отчет по Свиридину, – ему вводили общий наркоз, так?

– Общий? – удивилась я. – А почему не регионарный? Это же более безопасно: у пациента, насколько мне известно, было слабое сердце!

– Ну, Агния, вы же и сами анестезиолог, – пожал плечами Армен. – Технически регионарная анестезия сложна, поэтому, с одной стороны, ее выполнение требует большого времени, а с другой, не всегда удается получить эффект стопроцентного обезбоживания.

– Верно, – кивнула я. – Периферическая регионарная анестезия при операции коленного сустава успешна, если удастся анестезировать зону иннервации четырех нервов на бедре...

– Седалищный, бедренный, запираательный и латераль-

ный кожный нерв, — подхватил патологоанатом. — И при этом большое значение имеют анатомические особенности отдельно взятого пациента и, конечно же, мастерство анестезиолога. Если регионарный блок не получился, что вы делаете, Агния?

— Пробуем провести процедуру повторно. Если снова не получается, переходим на общую анестезию.

— Именно так и поступил Извеков. Сами понимаете, он имел право принять такое решение после того, как спинальная анестезия не возымела желаемого действия. Беда в том, что раньше Свиридину не делали никаких операций — за исключением удаления зубного нерва, и тогда проблем у него не возникало: Извеков, как и положено, беседовал с пациентом перед операцией и выяснил этот факт. Теперь — по поводу тестирования на аллергию...

— Этот вопрос отпадает сам собой, — прервала я патологоанатома. — Ведь невозможно провести тестирование на общий наркоз!

Дело в том, что при местной анестезии под кожу пациента вводят препарат и наблюдают за реакцией организма. Если возникает покраснение, вздутие и другие признаки аллергии, то анестезиолог заменяет анестетик. При общей анестезии ситуация совершенно иная, и провести тестирование не представляется возможным, ведь для исследования реакции организма человеку необходимо будет, по сути, сделать «пробный» наркоз, со всеми вытекающими из этого послед-

ствиями! Причем риск для здоровья пациента в этом случае будет не меньший, чем при настоящей операции. Лекарственные препараты для наркоза опасны тем, что аллергическая реакция на них может возникнуть внезапно, причем организм человека может среагировать на мизерную дозу анестетика точно так же, как и на полную.

– Вот, вы же сами все понимаете! – развел руками Багдасарян. – Этому Свиридину просто не повезло. Предугадать возникновение нежелательной реакции на наркотический препарат практически невозможно.

Это верно – тем более что Извеков, судя по всему, сделал все для предотвращения каких-либо последствий. Никто не виноват в том, что на Свиридина не подействовала спинальная анестезия. В тех обстоятельствах Извеков принял правильное решение и рискнул, несмотря на то, что у пациента было не вполне здоровое сердце. Что еще он мог предпринять в такой ситуации – отменить операцию?

Действительно, похоже, вины Извекова в смерти Свиридина нет. Он не мог предсказать того, что больной испытает анафилактический шок в результате общей анестезии. Когда мы покидали прозекторскую, Шилов выглядел так, будто разом сбросил лет десять, и я поняла, под каким стрессом он находился в течение прошедших суток.

– Все было сделано по правилам – ни Извеков, ни я не нарушили процедуру! – почти весело сказал Олег.

– Вот главный-то обрадуется! – улыбнулась я, беря мужа

под руку и прижимаясь щекой к его плечу. – Нет никаких причин для разбирательства, значит, он может спокойно сидеть на своем месте и ничего не бояться.

– Может, отметим это? – предложил Олег. – Место выбираешь ты!

С одной стороны, наверное, немного цинично отмечать в ресторане то, что смерть пациента произошла не из-за ошибки, а просто явилась результатом нелепого стечения обстоятельств. С другой – мы же не обязаны носить траур по каждому умершему в нашей больнице – просто не можем себе этого позволить. Так что я сказала «да».

* * *

В последнее время мне редко приходится встречаться с сыном. У него – университет, друзья, своя богемная тусовка. За последние полгода у Дэна прошло две выставки – не персональные, конечно, но для неполных девятнадцати лет это уже очень и очень неплохо! Кроме того, ему удалось продать восемь картин трем крутым загородным клубам, а это в наше время гораздо важнее, чем просто похвалы критиков.

Именно потому, что видимся мы редко, я так обрадовалась приглашению Дэна пообедать вместе и заодно отпраздновать окончание сессии. По вторникам меня в больнице нет, потому что я веду занятия в Первом меде, моей альма-матер. В данный момент там еще продолжается сессия.

Сразу по окончании экзамена я помчалась выбирать подарок для сынули, так как до нашей встречи оставалось полтора часа. Что купить ребенку, у которого все есть? Славка, мой бывший, пытаюсь восполнить свое отсутствие в течение двух лет, когда он скрывался от кредиторов¹, покупает Дэну все, на что только упадет его голубой глаз! Балует он его ужасно, и я уже перестала пытаться урезонить сумасшедшего папашу: видимо, тот факт, что Славка, пока жил с нами, редко имел деньги для того, чтобы порадовать сына, сейчас заставил его разойтись не на шутку: на восемнадцатилетие он купил Дэну *квартиру*! Когда он только упомянул о своих планах, я не поверила и решила, что это обычная бравада и на самом деле этого не произойдет – по крайней мере, в ближайшее время. Но я ошиблась, и накануне дня рождения Славка действительно преподнес сынуле ключи от полностью отделанной однокомнатной квартиры в новом доме! Естественно, я устроила бывшему благоверному скандал. Как можно дарить мальчишке такие дорогие подарки? Поэтому Дэн, чтобы не нарываться на проблемы, предложил следующее: квартиру пока сдавать, а потом, когда мы все, включая мою маму, сочтем, что ему можно дать полную самостоятельность, сынуля вселится. Такой компромисс меня устроил, а деньги от сдачи квартиры Дэн отдавал бабушке, а уж она решала, как их потратить на благо любимого внука.

Таким образом, передо мной стояла нелегкая задача вы-

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».

бора подарка. Прослonyaвшись по магазинам около часа, я наконец решила, что не стану мудрствовать, а просто куплю Дэну то, что ему всегда нужно, – масляные краски и кисти, которые он, похоже, ест, потому что ему их всегда не хватает. Вздохнув с облегчением, я отправилась на место встречи.

Кафе «Ланселот» на Васильевском острове, недалеко от станции метро, оказалось совершенно новым для меня местом. Надо признать, Дэн сделал неплохой выбор. Интерьер заведения, стилизованный под рыцарские времена, мне понравился. На стенах щиты с гербами и холодное оружие, по углам – рыцарские доспехи, а круглые столики и полукруглые скамейки, на которых при желании могли разместиться до восьми человек, вполне соответствовали эпохе. Светильники, напоминавшие канделябры, горели неярким светом, создавая интимную вечернюю атмосферу даже в самый разгар дня. Когда я вошла в кафе, Дэн уже сидел там – причем не один.

– Вика! – обрадовалась я девушке, которую давно не видела – со времени нашего последнего совместного дела, связанного с расследованием ОМР. – Какой сюрприз!

Я действительно не ожидала, что Дэн притащит подружку. Вот уже больше года я пытаюсь вычислить, какова же на самом деле природа отношений сынули и Вики. Она старше его на полтора года, хоть и выглядит лет на четырнадцать, и притом гораздо умнее. По правде говоря, девушка – настоящий вундеркинд. Окончила школу в тринадцать лет, а потом

– биологический факультет университета за три года. Сейчас Вика учится в аспирантуре. Дэн совершенно не похож на нее, у них абсолютно разные интересы, но каким-то непостижимым образом эти двое понимают друг друга с полуслова – так, что иногда мне кажется, что они общаются при помощи ультразвука, как летучие мыши. На самом деле я не стала бы препятствовать развитию между ними более глубоких и серьезных отношений, но пока об этом, кажется, даже речи не идет. И все же сынуля привел Вику на нашу встречу! Как водится, она облачилась в нечто невероятное: на улице под тридцать градусов, а девушка нацепила желтый хлопчатобумажный свитер на три размера больше необходимого, из-под которого торчала красная футболка с длинными рукавами. Длинная белая юбка с рисунком из гигантских подсолнухов-мутантов походила на церковный колокол, в котором сиротливо болтался «пестик» – маленькое и худенькое тельце. На ногах у Вики красовались розовые пляжные тапочки, довершая живописный образ. Дэн, в отличие от подруги, оделся как настоящий денди – в кофейного цвета брюки и белую рубашку с короткими рукавами. Взглянув на сынулю в этом одеянии, я вдруг подумала о том, какой же он большой и мощный, несмотря на свои юные годы.

– Отлично выглядите, Агния! – весело поприветствовала меня Вика. – Любовь вам очень к лицу!

– Ты... тоже хорошо смотришься, – ответила я не слишком искренне: с таким милым личиком девушке гораздо

больше пошло бы что-нибудь более традиционное, а из-под той кучи тряпья, в которую она одета, Вику едва видно!

– Сегодня я угощаю, – заявил Дэн и протянул мне меню. – Выбирай, чего душа просит, ма, – гуляем!

Сделав заказ подошедшей официантке, мы стали болтать в ожидании заказа. Дэн веселил нас рассказами о прошедшей сессии и своих профессорах. Еще в бытность свою в художественной школе сынуля испытывал на себе большое давление со стороны преподавателей. Они не могли не признавать его дарования, но в то же время, так как Дэн не являлся отпрыском известной фамилии, связанной с искусством, всячески «зажимали» его. В основном это сводилось к занижению оценок за работы. Пока сынуля был маленьким, он страшно огорчался по этому поводу, но с возрастом привык принимать такое отношение как неизбежное зло. Когда же Дэн стал продавать свои работы, преподаватели вообще ополчились на него – как же, цыпленок, недавно вылупившийся из яйца, вдруг умудрился применить свой талант в коммерческих целях, причем весьма успешно! Но к тому времени сынуля уже перестал обращать внимание на мелкие препятствия на своем пути. Сейчас, обучаясь на кафедре компьютерного дизайна, Дэн уже успел стать настоящей «звездой» факультета, и порой я начинала побаиваться, что у него того и гляди начнется звездная болезнь.

– Ну а у тебя как дела? – поинтересовалась я у Вики, когда удалось вставить слово. – Как OMP?

На самом деле вопрос был не праздный. Я и не подозревала, насколько мне не хватает работы в отделе, а Лицкявичус между тем не дергал меня довольно давно. При этом я регулярно получала зарплату на карточку, хотя ничего не делала.

– Да все нормально вроде бы, – ответила Вика. – Мы тут расследовали парочку дел... Так, ничего серьезного – в основном по жалобам пациентов, частные случаи. Кстати, теперь работы у нас убавится!

– Это еще почему? – удивилась я.

– А вы разве не слышали о том, что Президент принял решение о создании Комиссии по этике? В Москве она действует уже несколько месяцев, а теперь волна и до нас докатилась!

Действительно, что-то такое мелькало в СМИ. Проблема с медиками состоит в том, что в России не существует органа, обладающего полномочиями для лишения медицинского работника лицензии, если кто-то из них уличен в действиях, противоречащих медицинской этике. Таким образом, даже если врач или медсестра нарушили закон и подверглись уголовному преследованию, после отсидки они имеют полное право вернуться к работе по специальности. Значит, теперь и у нас появится дополнительное «пугало»! Что ж, возможно, это и неплохо, ведь любые средства хороши для предотвращения врачебных ошибок.

– И чем это грозит ОМР? – поинтересовалась я.

– Только тем, что теперь мы не будем размениваться по

мелочам. У нас появится орган, к которому можно обратиться напрямую в случае необходимости.

– Значит, теперь мы выходим из-под ведения губернатора?

– Ни в коем случае! Просто теперь, как надеется Андрей Эдуардович, у нас будет меньше тягомотины с делами, ведь раньше у губернатора подолгу руки не доходили до наших проблем, а теперь комиссия сможет дать делу ход сразу после того, как ОМР предоставит соответствующий отчет. Да, я же совсем забыла вам сказать, Агния: мы едва не потеряли Андрея Эдуардовича, представляете?!

– То есть? – не поняла я.

– Его хотели включить в состав Комиссии. К счастью, Андрей Эдуардович отказался. Правда, его желание не играло бы большой роли, но тут вице-губернатор вцепилась в него мертвой хваткой – и не отдала!

Надо же – я просто аплодировала Кропоткиной! Насколько мне известно, она недолюбливает Лицкявичуса. Судя по всему, у этой нелюбви есть какая-то определенная причина, но я не в курсе. И тем не менее вице-губернатор не отпустила Лицкявичуса. Очевидно, она считает, что он находится на своем месте в качестве главы ОМР. Ну, и слава богу – как же мы без него? Лично я не представляла себе работу в отделе под руководством другого человека. Конечно, Лицкявичус отнюдь не подарок, но он лучший, кого можно было выбрать на эту должность.

– Значит, мы в безопасности – какое облегчение! – рас-
смеялась я. – А сейчас есть что-то интересное? В смысле,
какое-нибудь дело?

– Да нет... пожалуй, нет. Хотя...

– Да? – наострилась я.

– Это не то чтобы дело, Агния, – сказала девушка. –
Просто майор Карпухин попросил меня кое-что сделать для
него. Понимаете, может, это и станет делом для ОМР, но,
скорее всего, это не наша юрисдикция.

– А что за дело-то?

– Карпухину передали дела по шести убийствам.

– По шести?! – присвистнул Дэн, прежде чем я успела от-
реагировать. – Ну, это точно не ваше дело!

– Вот и я говорю, – закивала Вика. – Скорее всего, так оно
и есть. Только вот одно маленькое «но»: все убитые так или
иначе имели отношение к медицине.

– Неужели? – переспросила я. – Какое странное совпаде-
ние!

– Вот потому-то Артем Иванович и попросил меня про-
верить, нет ли чего в наших базах данных, связанных с име-
нами погибших.

– А на данный момент версии есть?

– Пока только одна: маньяк.

– Вот это да! – снова воскликнул сынуля, подпрыгнув на
стуле и при этом едва не облив Вику лимонадом. – Маньяков
у вас еще не было!

– И не будет, – завершила его Вика. – Если окажется, что всех этих людей и в самом деле убил какой-то псих, то ОМР не может этим заниматься – ну, разве что, к Кобзеву обратятся за тем, чтобы он составил психологический портрет преступника. Так что, как видите, ничего особенного не происходит, – закончила она.

Мы отлично провели время. Дэн без умолку трещал о новом заказе от клуба под названием «Игуана». Ему предложили написать серию тропических пейзажей, и сынуля предвкушал интересную работу и хорошие деньги. Вика подвезла меня домой.

– Ну наконец-то! – воскликнул Олег, как только я переступила порог квартиры. – А я-то названиваю тебе, названиваю... Почему трубку не берешь?

Я нашарила в сумке мобильник и увидела, что он полностью разряжен.

– Прости! – сказала я. – Я была с Дэном и Викой, мы обедали...

– Господи, Агния, разве я тебя в чем-то обвиняю? – сокрушенно покачал головой Олег. – Я просто хочу знать, что с тобой все в порядке и когда тебя ждать, понятно?

– Не думала, что ты вернешься так рано, – стала оправдываться я. – Сейчас ведь всего половина седьмо...

– Да ладно тебе! – усмехнулся Олег. – Просто в следующий раз постарайся следить за телефоном и заряжать его вовремя, лады?

– А что у нас на ужин? – с готовностью переключилась я на приятную тему.

– Ну ты даешь, Агния! – развел руками Шилов. – Сама же сказала, что обедала с ребятами!

– Так это когда было!

И я, быстренько скинув босоножки, прошла сначала на кухню, чтобы проверить, чем меня сегодня порадует муженек, а уж потом в ванную мыть руки.

Когда мы уже сидели за столом, я поинтересовалась делами в больнице.

– Все вроде бы в порядке, – ответил Олег. – Только дело Свиридина получило продолжение.

– Продолжение? А что такое, ведь Армен, кажется, дал положительное заключение...

– Но оно, к сожалению, не устраивает родственников покойного. Его брат поднял на ноги всех, включая местное отделение Комитета здравоохранения.

– И что комитет?

– А комитет натравил на нас Комиссию по этике!

– Да ты что?!

Уже во второй раз за этот день я слышала это словосочетание – просто невероятно!

– Представь себе, – усмехнулся Шилов. – Правда, главный говорит, что бояться нечего. Самое страшное, что они могут сделать, так это назначить повторное вскрытие и независимую экспертизу. Однако телом занимался Багдасарян, а зна-

чит, не подкопается даже самый дотошный патолог! А вот нервы они нам потреплют – это да.

– Выкрутитесь как-нибудь, – уверенно заявила я. – Дело, конечно, неприятное – как всегда, когда умирает пациент. Все будет хорошо.

– Да я и не сомневаюсь! Еще положить курицы?

* * *

Я только что закончила операцию на хирургии позвоночника и собиралась спуститься в столовую и насладиться кулинарными изысками нашей поварихи. Не скрою, что специально не завтракаю дома, чтобы иметь возможность поесть вкусенького в больнице. Но мне не суждено было этого сделать сегодня.

– Агния! – рявкнул Олег, врываясь в ординаторскую. – Пойдем!

– Куда?

– У тебя сейчас операция – со мной.

– Эй, погоди-ка – почему с тобой? У меня перерыв...

– Мне нужен анестезиолог: Извеков не пришел!

– То есть как это – не пришел? Заболел, что ли?

– Может, заболел, а может, и загулял – кто его знает?

Олег выглядел рассерженным. Что ж, я его понимала. Оставалось лишь посочувствовать самой себе, что приятная трапеза накрылась медным тазом. Роман Извеков – не самый

приятный парень, но безответственным я бы его не назвала. У него огромное самомнение – больше, чем могло бы реально поместиться в столь тщедушном теле, непомерные амбиции и непреодолимая тяга к женскому полу. Такого бабника, как Извеков, еще поискать, но – не явиться на операцию?

Все прошло нормально, и, к счастью, много времени не заняло. Однако мне пришлось поторопиться с умыванием и переодеванием, чтобы успеть на следующую операцию – в общем, не день, а какой-то дурдом! К четырем часам я чувствовала себя словно выжатый лимон – и выглядела практически так же. И надо же было телефону позвонить именно в это время! Как ни странно, я не увидела имени звонившего, обычно появляющегося на экране телефона, – только номер.

– Алло? – сказала я в трубку.

– Агния? Это ты?

Я не сразу узнала голос, но потом меня озарило:

– Танька? Дурова?

В школе у меня было пять подружек – «великолепная шестерка» называли нас все, включая учителей. С Танюшей Дуровой мы виделись в последний раз около года назад, когда меня пригласили на крестины ее дочки Эльвиры. Праздник устроили потрясающий, хотя Таню и ее мужа никак нельзя назвать богачами. Эльвира стала для Тани настоящим подарком судьбы. В двадцать два года, едва выскочив замуж, она родила дочку Машеньку и с тех пор думала, что рожать не станет. И вот, под сорок, неожиданно состоялась вторая бе-

ременность. Вопросы о том, рожать или нет, даже не стояло: Таня и Вовка решили, что нельзя отказываться от этого шанса. Эльвира родилась похожей на Танюшку как две капли воды, и я стала ее крестной матерью. К сожалению, из-за занятости мы редко виделись, и я чаще всего просто передавала маленькие подарочки для своей крестницы через общих знакомых.

Вместо ответа в трубке раздался громкий всхлип.

– Что случилось? – встревожилась я. – С мамой что-то?

– Нет, – снова всхлип. – С мамой все хорошо. Элочка умерла!

Я не сразу нашлась что сказать – по правде говоря, просто не вполне поняла слова подруги.

– Агния? Ты слушаешь?

– Господи, Таня... да как же так?! – вырвалось у меня.

Проходившая мимо группка практикантов шарахнулась в сторону, и я поняла, что кричу в трубку.

– Вот так... Я хотела... Завтра похороны, Агния, и я подумала... ты ведь ее крестная, и мы... Завтра в двенадцать часов на Северном кладбище. Придешь?

– Таня... Конечно, я приду, но как же так?! Что произошло?

– Потом... Завтра, ладно? Все завтра...

– Представляешь, как себя чувствует Таня?

Сидя у Шилова на коленях, я размазывала сопли и слезы по лицу. Сначала известие о смерти моей крестницы просто подействовало на меня как шок, но потом, после нескольких часов раздумий, меня развезло не на шутку. Маленькую Эльвиру я видела от силы раза четыре за все время ее короткого существования, но это не имело значения: умерла дочь моей подруги, ребенок, который не страдал никакими хроническими заболеваниями и был абсолютно здоров, если не считать обычных детских проблем. Помню, как Татьяна обращалась ко мне за советом, когда настало время проводить вакцинацию Эле. Наслушавшись всяких ужасов по телевизору, она начала сомневаться в том, что эти меры так уж необходимы. Я потратила немало времени, убеждая подругу в том, что такой подход к прививкам крайне неблагоприятен. В конце концов, человечество прошло слишком долгий путь в борьбе с такими болезнями, как оспа и полиомиелит, чтобы перечеркивать всю историю и рисковать собственным ребенком из-за нескольких истеричных репортажей по ящику! Конечно, все может случиться – нет такого медицинского действия, которое хоть на долю процента не представляет определенной опасности. И, однако, из-за этой доли процента нельзя же отказываться принимать антибиотики и плом-

бировать зубы! Таня послушалась меня, и Эля получила все, что необходимо маленькому человеку для нормального развития. А теперь ее больше нет.

Олег ласково гладил мои волосы. Он ничего не говорил, понимая, что утешить меня сейчас мог лишь звонок от Татьяны со словами о том, что она пошутила, ошиблась или неточно выразилась, а Эля жива-здорова.

– Господи, Шилов, и как я только сумела вырастить Дэна? – продолжала я, шмыгая носом. – У меня даже мысли не возникало, что с ним может что-то случиться! Мы ходили в поликлинику, болели детскими болезнями, ломали кости – в общем, все как у людей...

Я осеклась, заметив, что мой муж слегка изменился в лице. Конечно же, его маленькая дочка утонула в аквапарке! Олег не любит об этом вспоминать. Мы разговаривали о Даше всего один раз, в самом начале нашего знакомства, и больше не поднимали эту тему. Недавно одна подруга наметнула мне, что моему мужу, возможно, хотелось бы завести еще детей, но он, скорее всего, боится мне это предложить, понимая, что я вряд ли захочу почти в сорок лет по новой проходить путь молодой мамыши.

– Ты хочешь детей, Шилов? – спросила я, в очередной раз высморкавшись в бумажный платок.

Он взглянул на меня так, словно я спросила, не возражает ли он против мира во всем мире.

– Ты что, Агния? То есть, конечно... Разумеется, я хотел

бы иметь от тебя детей, но это должно быть и твоим желанием. Насколько я понимаю, у тебя такого желания нет?

– Честно говоря, не знаю, – пробормотала я. – Знаешь, раньше я об этом не задумывалась, ведь есть Дэн, и вообще... Но теперь... Не знаю!

– Тогда и говорить не о чем, – улыбнулся Шилов, но его улыбка показалась мне несколько натянутой. – Я понимаю, сейчас ты взвинчена из-за смерти девочки, поэтому не стоит принимать поспешных решений.

– Да что ты, Шилов, какие поспешные решения? Скорее всего, это вообще разговор в пользу бедных, ведь мне не двадцать лет, и, скорее всего, забеременеть естественным путем я уже не смогу!

Мне не следовало заикаться о детях, я сделала ошибку. Раньше это витало в воздухе, но не принимало никаких четких очертаний. Теперь же Олег будет считать, что я всерьез задумываюсь над этой проблемой. Может, он выбрал не ту женщину?

* * *

Никогда в жизни не видела такого маленького гроба! Он походил на коробку из-под сапог, только из добротного дерева. У меня не нашлось сил, чтобы заглянуть внутрь и увидеть Элю, поэтому я быстро положила цветы и отступила назад, боясь, что мертвая девочка будет сниться мне по ночам,

если я успею ее как следует разглядеть. Таня, вся в черном, стояла в головах у дочки и только слегка кивала, когда к ним кто-то подходил. Она всегда была маленькой, настоящей пигалицей, но сейчас выглядела просто девочкой, худенькой и угловатой. Ее муж, сразу постаревший лет на десять, стоял рядом, не глядя по сторонам и сосредоточив взгляд на фотографии Эли, сделанной, насколько я помнила, на ее первом дне рождения.

А погода стояла отменная: светило солнце, пели птицы, и одетые в темное фигуры казались чем-то чужеродным на фоне зеленеющих деревьев, окружающих кладбище. С Таней мне удалось поговорить только на поминках.

– Спасибо, что пришла, – тихо сказала она, подходя.

Как у нее еще находятся силы разговаривать со мной?! Если бы я оказалась в подобной ситуации, то наверняка не сумела бы даже пошевелиться, не то что открыть рот...

– Как я могла этого не сделать?

Мы обнялись.

– Мне нужно тебе рассказать... про Элю.

Мы прошли в детскую. Здесь все дышало любовью и заботой, каждая вещь говорила о том, как любили и берегли Элю в этом небогатом доме – детская кроватка, манежик, куча игрушек, аккуратно расставленных на полках, мягкий ковер с длинным ворсом, на котором девочка могла играть и ползать. Именно детскую обставили лучше других помещений, потому что именно маленькая Эля являлась здесь са-

мым важным человеком.

– Как это произошло? – спросила я, садясь на диванчик, рассчитанный не более чем на двоих. Таня устроилась на подоконнике и стала смотреть в окно – туда, где проходило шоссе. Ее профиль четко вырисовывался на фоне безоблачного неба.

– Во всем виновата только я, – прошептала она.

– Что ты такое говоришь!

– В этом трудно признаться, Агния, но, к сожалению, больше винить некого, – упрямо подтвердила Татьяна. – Эля немного приболела – чуть-чуть кашляла, сопливилась – в общем, как обычно бывает. Это случилось в пятницу к вечеру, сама понимаешь, что это означает! Врач из поликлиники прискакала, все скорей-скорей – домой торопится, понимаешь... Сказала, что ОРЗ, мол, ничего страшного, чего-то там выписала... А часов в десять Эле стало хуже, она плакала не переставая, и Вовка предложил вызвать «Скорую». Но я подумала – ведь завтра суббота, что в больнице в выходные-то делать? А у нас соседка со второго этажа, Ольга, – врач-педиатр, вот я и решила ей звякнуть, совета спросить. Правда, я надеялась, она хоть поднимется на Элю взглянуть, но у Ольги в тот момент были гости, недосуг, поэтому я просто описала симптомы, и она сказала, что даст мне цефатоксим...

– Вот так сразу – антибиотик? – удивилась я. – Без осмотра ребенка?

Татьяна только горестно кивнула.

– Еще она дала мне раствор лидокаина и какую-то ампулу без маркировки – сказала, что это вода для инъекций, и объяснила, как все надо сделать. Ты же знаешь, я уколы делать умею – сама маму колола и Вовку... Я сделала укол, а ночью... ночью...

И Татьяна внезапно разрыдалась, не в силах больше произнести ни слова. Примерно полчаса у меня ушло на то, чтобы успокоить подругу. Только потом я смогла продолжить расспросы.

– Причину смерти установили?

– СВС, – всхлипнула Татьяна.

– Это что, шутка? – переспросила я. – После введения *антибиотиков* они ставят *синдром внезапной смерти*?!

– Ой, Агния, ты же не знаешь: эта Ольга, соседка моя, оказывается, работает в той самой детской больнице, куда Элечку по «Скорой» доставили. Она всполошилась, когда я ей среди ночи позвонила, прибежала, дождалась со мной бригаду и сама сказала, куда везти. Я тогда благодарна ей была, думала, она об Элечке печется...

– Думаешь, это ее работа? – задумчиво спросила я.

– Да не знаю я, Агния, что и думать – не знаю! – закричала Татьяна и снова расплакалась. Тут в комнату ворвался Вовка.

– Что тут у вас происходит?! Танюшка...

Теперь мы утешали ее на пару, причем на самом деле это

выглядело так: Вовка пытается успокоить Таню, а я – Вовку. Он рыдал, как ребенок, размазывая слезы по лицу огромной ладонью. Когда все немного поутихло, я снова задала вопрос – на этот раз обращаясь к Володе:

– Результаты вскрытия вам выдали?

Он кивнул.

– И вы не стали его оспаривать?

Оба посмотрели на меня бешеными глазами.

– Как это – оспаривать? – прошелестела Таня. – Это же официальное заключение...

– Нет, Танюша, это – официальное заключение, выданное отделением, в котором работает твоя соседка! Я почти уверена, что она поспособствовала появлению на свет этой филькиной грамоты, справедливо понадеявшись, что вы, поглощенные своим горем, не станете бегать по инстанциям в поисках правды. У тебя осталось хоть что-то из того, что эта тетка дала для Эли, – сам антибиотик, раствор?

Таня нерешительно покачала головой.

– Я все отдала врачам «Скорой», когда они спросили, что я колола дочке! Да и какое это все теперь имеет значение? Эли больше нет...

– Нет, погоди! – неожиданно вмешался Вовка. – Что значит – не имеет значения? Эля умерла, и в этом, возможно, виновата Ольга... Ведь так, Агния?

– Этого я утверждать не могу, – осторожно ответила я. – Чтобы не сомневаться, нужно бы провести повторное вскры-

тие.

– А почему ты вообще сомневаешься?

– Ну, во-первых, СВС, как правило, протекает бессимптомно. Это, в сущности, смерть от остановки дыхания. Часто подобное случается с маленькими детьми, когда они спят на животе, например... Эля была больна, это очевидно. Врач из поликлиники не захотела возиться в конце рабочего дня – хотя, вполне возможно, и не ошиблась с диагнозом. Ты ввела Эле цефатоксим по совету соседки, и после этого... в общем, произошло то, что произошло. Вполне вероятно, что у твоей дочки могла быть аллергия на этот антибиотик, тем более что, насколько я помню, цефатоксим обычно применяется к детям старше двух с половиной лет, а Эле и двух еще не исполнилось. Да эта ваша Ольга вообще не имела права делать таких вещей: как можно накачивать ребенка сильнодействующими медикаментами без осмотра?! Какой, к черту, СВС?

Таня и Вовка переглянулись, и он спросил:

– Значит, ты думаешь, Ольга «подмахнула» диагноз?

– Я уже сказала, что утверждать не берусь, однако...

– Но ведь мы уже похоронили Элю! – воскликнула Татьяна. – Что теперь сделаешь?

– Эксгумацию! – сказал Вовка. Его глаза горели таким огнем, что я испугалась: никак не ожидала, что испытаю такое странное чувство, глядя на безобидного мужа подруги, ведь, несмотря на свой рост и габариты, Вовка напоминал скорее большую панду, нежели супермена.

– Что? – еле шевеля губами, переспросила Татьяна. – Что... ты сказал?!

– Таня...

– Не смей даже думать об этом, слышишь?! – взвизгнула Татьяна, вскакивая на ноги. При ее маленьком росте это казалось странным, но она как будто возвышалась над нами, крепко сжав кулаки и сложив губы в ниточку. – Я не позволю потрошить мою дочь – хватит и одного раза!

Еще минут пятнадцать я выслушивала пререкания мужа и жены. Потом в комнату вошли родители Тани, и я поспешила ретироваться, уже жалея о своей неводержанности на язык. В самом деле, чего я хотела добиться? Только внесла разлад в семью!

* * *

Утром следующего дня меня ожидало еще одно потрясение: едва я подошла к дверям ординаторской, как мне навстречу из кресла поднялся майор Карпухин.

– Артем Иванович?! – изумилась я. – Вы – здесь?

– Вот, решил с вами поговорить, раз уж все равно пришел, – ответил он без улыбки.

– Значит, вы не ко мне приходили?

– На самом деле к вашей заведующей, Охлопковой.

– А... что-то случилось?

Я задала вопрос прежде, чем осознала его глупость: ну,

разумеется, что-то случилось, иначе зачем бы майор явился в больницу с утра пораньше?

– Насколько хорошо вы знаете вашего коллегу, Романа Извекова, Агния? – вместо ответа поинтересовался Карпухин.

– Рому? Да не то чтобы... Честно говоря, друзьями мы никогда не были, а что?

– Дело в том, что Извеков пропал.

– Да, он и в самом деле не появлялся на работе пару дней, – подтвердила я. – Но я не думала, что это серьезно – он ведь взрослый человек, мог, как говорится, загулять...

– Вот и в милиции так сказали – матери Извекова, – кивнул Карпухин.

– Его мать заявила в милицию? – не поверила я своим ушам. – А она не подумала, что могла сослужить своему сыну дурную службу? Что, если он объявится, а его тут с собаками ищут?

– Это возможно, но лично я считаю, что Извекова поступила совершенно правильно. Особенно учитывая вот это, – и майор протянул мне какой-то конверт.

– Что это?

– Да вы прочитайте, прочитайте, Агния, – предложил Карпухин.

Конверт оказался не запечатан, и я, вытащив листок, прочла набитый на компьютере текст следующего содержания: *«Ты знаешь, ЧТО ты сделал, и должен ЗАПЛАТИТЬ. Ты примешь кару и будешь наказан так, как требует Священ-*

ное Писание. У тебя есть неделя на покаяние».

Сказать, что я ошарашена, значило бы ничего не сказать. Да, я знала, что Извеков на днях не явился на работу – ведь мне самой пришлось его заменять, но *такого* я и представить не могла!

– Господи, что за бред?! – воскликнула я, возвращая конверт майору. – Кто-то решил напугать Романа, что ли?

– И, судя по всему, ему это удалось, – усмехнулся Карпухин. – Мать Извекова обнаружила это в ящике письменного стола в его квартире – значит, Извеков письмо читал.

– Думаете, он не пропал, а сбежал?

– Точно! И, полагаю, это означает, что он серьезно воспринял эти угрозы!

– Ну а вы, Артем Иванович, разве не испугались бы, получив такое вот письмишко?

Он посмотрел на меня так, что я поняла: наверняка в своей жизни Карпухин не однажды имел дело с угрозами.

– Обычно, получая такое письмо, человек отправляется в милицию – если, конечно, он сам не замешан в чем-то незаконном.

– Вы думаете, что Роман знал, о чем идет речь в этом письме?

– Вы мне скажите, Агния. Вы – его коллега, работали с ним бок о бок долгое время. Что вам известно о Романе Извекове?

– Да ничего особенного... Как я уже вам сообщила, мы с

Романом даже приятелями не были! Он – парень нахальный, больше всего на свете любит себя, считает свою персону пупом земли и совершенно не выносит критики.

– Вы в курсе его личной жизни?

– Знаю только, что он в разводе, детей вроде бы нет. Извеков разошелся с женой еще до того, как перевелся в нашу больницу.

– И вы не знаете, почему ему пришлось сменить место работы?

– Разумеется, нет! Но вы же разговаривали с Охлопковой – что она сказала?

– К сожалению, ничего определенного, – вздохнул Карпунин. – Ваша заведующая знает о семье Извекова еще меньше, чем вы, а по поводу перехода в вашу больницу говорит, что вроде бы никакой скандал этому не предшествовал. Во всяком случае, ей ни о чем таком не известно. И еще я выяснил, что по поводу вашего коллеги собираются провести заседание новоиспеченной Комиссии по этике, это так?

– Не совсем, – ответила я. – Насколько я понимаю, вопрос касался не только действий Извекова. В операции участвовали несколько человек, и любой из них теоретически мог сделать нечто, повлекшее смерть пациента Свиридина. Однако после вскрытия тела и отчета патологоанатома Багдасаряна, в квалификации которого вряд ли кто станет сомневаться, стало ясно, что вины медицинского персонала нет. Кстати, думаю, вы сможете получить результаты вскрытия,

если спуститесь «в подвал» прямо сейчас.

– Я как раз туда собирался, – кивнул майор.

– А почему именно вы, Артем Иванович, занимаетесь делом Извекова? Разве это для вас не мелковатое? Или вы полагаете, что исчезновение Романа может быть связано с делом, которое вы поручили Вике?

– Эта девчонка совершенно не умеет держать язык за зубами! – беззлобно проворчал Карпухин. – Ну да ладно – пойду я, а то, видать, отрываю вас от важных дел.

– Погодите, Артем Иванович! Вы что, действительно полагаете... – начала я и осеклась, так как мысль, которую я собиралась высказать, показалась мне просто чудовищной. – Вы считаете, что Извекову мог угрожать тот же человек, что убил тех шестерых? Маньяк?!

– Рано пока делать выводы, Агния, рано! Тем не менее, если вы что-то узнаете об Извекове или он сам объявится, немедленно сообщите мне лично.

...Перед уходом домой я проверила мобильный. Я обычно делаю это в конце дня, так как на работе мне сложно отслеживать звонки – все равно ведь не смогу перезвонить. На экране застыло несколько непринятых вызовов, и все – от Вовки, Татьянинного мужа.

– Что нужно делать, чтобы назначили эксгумацию? – спросил он, как только услышал мой голос.

Постоянный состав ОМР собрали неожиданно. Вика обзвонила всех нас и попросила явиться в офис, располагающийся в бизнес-центре «Волна» недалеко от станции метро «Приморская». С тех пор, как я пришла к Лицкявичусу впервые, здесь многое изменилось. Во-первых, ОМР теперь занимал весь этаж, и у Вики появился отдельный кабинет, наполненный компьютерами и всякими электронными штучками, о предназначении которых я, человек практически безграмотный в области высоких технологий, могла только догадываться. Правда, девушка предпочитала торчать в личном кабинете главы ОМР, потому что, как я подозреваю, ей просто скучно сидеть одной. У нас также появилось специальное помещение для просмотра видеоматериалов, и больше не приходилось довольствоваться маленьким телевизором и видеомагнитофоном.

Мне было очень приятно вновь увидеться со всеми коллегами, с которыми мы не встречались долгое время, – с Никитой, Павлом Кобзовым и даже с Леонидом Кадреску, хотя, воскрешая в памяти свою первую встречу с патологоанатомом, я вспоминала, какое неприятное впечатление произвел он на меня тогда, несмотря на импозантную внешность. С некоторых пор между нами установились сравнительно теплые отношения. Думаю, Кадреску относился ко

мне лучше, чем к любому другому члену ОМР, и его толерантное поведение, очевидно, было самым большим проявлением его привязанности. Леонид отличается от большинства других людей. Тем, кто с ним незнаком, кажется, что патологоанатом – настоящий аутист: он не смотрит в глаза людям, неохотно отвечает на вопросы, презирает серость и откровенно ненавидит глупость. Я не раз сталкивалась с тем, что Кадреску намеренно игнорирует людей только потому, что не считает их достойными собеседниками, хотя я никогда не слышала, чтобы он с кем-то грубо разговаривал или ругался – он просто их не замечал, словно они насекомые или грязь под ногтями одного из его «клиентов». Хотя нет, пожалуй, к последней он относится с гораздо большим пиететом! Павел, отличный психиатр, известный в городе человек, а теперь еще и мой друг. Иногда кажется, что в его отношении ко мне присутствует нечто отеческое, хотя Кобзев не старше Лицкявичуса. Никита, хирург-трансплантолог и подопечный главы ОМР, понравился мне с нашей первой встречи. Несколько месяцев назад он серьезно пострадал, защищая женщину, обратившуюся к нам за помощью, но, насколько я могла видеть теперь, Никита полностью поправился и прекрасно выглядел. Ну и, конечно же, я вновь увидела Карпухина.

Сам Лицкявичус появился чуть позже, когда мы все уже успели обменяться приветствиями и последними новостями. Выглядел он, как всегда, безупречно – чисто выбрит, се-

дые волосы идеально подстрижены. Загорелый до черноты, хотя жаркая погода в Питере установилась меньше недели назад, из чего я сделала вывод, что глава ОМР успел побывать там, где гораздо теплее. Зная, что Лицкявичус не из тех, кто разъезжает по курортам, я принялась гадать, куда же он мог ездить и, главное, зачем? Несмотря на жару, он был одет в строгий серый костюм с белой рубашкой, но, слава богу, позволил себе обойтись без галстука.

– Рад всех вас видеть в сборе, – сказал Лицкявичус, хотя в его голосе я особой радости не услышала. В этом он весь – непредсказуемый, желчный, но всегда профессиональный. – Хотя повод, как водится, неприятный, – добавил глава ОМР и уселся на край своего стола. Думаю, Артем Иванович, начинать тебе!

Майор крикнул и поднялся с места, встав на середину комнаты – так, чтобы мы все могли его хорошо видеть и слышать.

– Сразу хочу подчеркнуть, – сказал он, – то, о чем я собираюсь вас попросить, на самом деле не имеет отношения к делам ОМР. Просто мне нужна помощь, и, боюсь, без вас у меня ничего не выйдет.

– Почему? – поинтересовался Никита.

– Я сейчас объясню. За последний год произошло шесть убийств. Поначалу никто не связывал их между собой – как водится, они имели место в различных частях города. Однако позднее все эти случаи объединили в одно дело, так как

между ними прослеживается нечто общее, а именно – способ убийства. При вскрытии жертв обнаружались следы павулона и хлорида калия.

– Класс-с-с! – восхищенно просвистел Кадреску, и я подумала, что, кажется, никогда еще не видела патологоанатома в столь радостном возбуждении.

– Интересный выбор! – заметил Никита. – Если не ошибаюсь, павулон парализует дыхательную мускулатуру?

– А хлорид калия в соответствующей дозе приводит к остановке сердца, – добавила я. – Агата Кристи какая-то, честное слово!

– А какой-нибудь *нормальный* способ убийства избрать было нельзя? – поинтересовался Кобзев.

– В этом-то все и дело, – кивнул майор. – Я, видите ли, забыл упомянуть один немаловажный факт: как это ни удивительно, все шестеро убитых так или иначе являлись медицинскими работниками.

– Да вы что?! – воскликнул Никита. – Странное совпадение!

– Что, все погибшие – врачи? – недоверчиво уточнил Кадреску.

– Не все. Давайте по порядку, – и майор взял в руки печатный листок, до этого сиротливо лежавший на столе. – Первой жертвой – подчеркиваю, *известной нам жертвой* – стала Анна Дурова, медсестра. Работала в детской больнице №***. Ее труп нашли слегка прикопанным в лесополосе в пригоро-

де Питера грибники. При вскрытии обнаружен павулон. Затем всплыли еще два трупа – Родиона Кудрявцева и Павла Юшкевича.

– Всплыли – в прямом или переносном смысле? – поинтересовался Кобзев.

– В самом что ни на есть прямом – один в Оредише, а второй в заполненном водой карьере недалеко от города. Кудрявцев работал патологоанатомом, Юшкевич – врачом «Скорой помощи». Затем последовала Вера Богатикова, внимание – главврач больницы №***!

– Ого! – вырвалось у меня.

– Да уж, – согласился майор. – Потом обнаружили хирурга Георгия Горгадзе и акушера-гинеколога Юлию Устименко.

– Это, друзья мои, папахивает маньяком, – пробормотал Кобзев. – Маньяком, *убивающим медработников* при помощи *медицинских* препаратов!

– Тем не менее, – продолжал майор, – поначалу проверялись другие версии. В Питере, коллеги, происходит столько убийств, что одни заслоняют собой другие, а потому так сложно порой бывает обнаружить очевидную связь. Возьмем, к примеру, первую жертву, Дурову. Примерно в то время в местах, где грибники наткнулись на ее тело, орудовал серийный маньяк, убивающий женщин, – неудивительно, что Анна Дурова тоже попала в список его жертв.

– А маньяка-то поймали? – спросил Никита.

– Нет. Полагают, что это был какой-нибудь гастарбайтер:

в тех краях много дач, на которых работают заезжие узбеки и таджики. Возможно, поняв, что на его след напали, маньяк решил сменить дислокацию и либо уехал на родину, либо отправился подальше от того места, где совершил двенадцать убийств.

– Боже мой! – пробормотала я в ужасе. – Двенадцать женщин...

– Печально, не правда ли? Но смерть Анны Дуровой выбивается из этого ряда. В отличие от всех остальных, задушенных при помощи скрученного женского чулка, Дурова получила внутривенно павулон и хлорид калия, и патологоанатом не мог не обратить на это внимания. Тем не менее его отчет проигнорировали, так как гораздо проще было просто присоединить Дурову к остальным, как очередную жертву маньяка.

– Станный способ убийства, – усмехнулся Леонид. – Для гастарбайтера, я имею в виду.

– Что касается остальных, за основную версию в каждом случае принималось убийство кем-то из родственников. У Юлии Устименко, к примеру, муж также врач, поэтому его и взяли за жабры: он вполне мог знать о том, какое действие оказывает смесь из упомянутых препаратов. Следователь счел этот факт достаточным для обвинения Анатолия Устименко. Дело в том, что в тот самый момент, когда умерла Юлия, судя по показаниям друзей и соседей, семейство переживало не лучшие времена. Они находились в состоя-

нии развода, и раздел имущества проходил чрезвычайно болезненно. Юлия собиралась оттяпать у мужа половину «совместно нажитого», хотя, являясь уроженкой Казахстана, не имела права ни на квартиру, ранее принадлежавшую родителям, ни на дачу или машину. Судья тем не менее склонялась к разделу пятьдесят на пятьдесят. На основании вышеизложенного Устименко получил семь лет общего режима – только по косвенным доказательствам, так как ни ампул с лекарственными препаратами, ни других улик следствие так и не обнаружило.

– Ужас! – пискнула Вика. – Вот как у нас работает милиция... О присутствующих я, разумеется, не говорю, – быстро добавила она, бросив взгляд на майора.

– А что с остальными? – спросил Лицкявичус. – Кого-то еще осудили?

– Нет, Устименко так и остался единственным. Семьи других жертв также разрабатывали, но эта версия не нашла подтверждения.

– Значит, как вы это называете... «висяки»? – спросила я.

– Верно. Так считалось до последнего времени, пока не обнаружили последний труп – Веры Богатиковой. У нее вообще не имелось родственников. Была довольно состоятельная – все-таки главный врач больницы.

– Ну, если состоятельная, то явно не на зарплату – даже *главрача!* – заметил Никита.

– Эту версию вначале и приняли за основную, – кивнул

Карпухин. – Решили, что она могла вымогать у кого-то взятку, но, к сожалению, ничего доказать не удалось, а присутствие в крови жертвы тех же веществ позволило наконец объединить все дела в одно. И, так как объединяющих факторов два – способ убийства и принадлежность жертв к одной профессии, – единственной стала версия о маньяке. Что скажешь, Павел, – это ведь как раз в твоей компетенции?

Кобзев недоверчиво хмыкнул.

– Что ж, – произнес он, – я и в самом деле принимал участие в психиатрическом освидетельствовании нескольких подобных типов и имею некоторое представление о такого рода преступлениях. Однако сразу скажу, что эти шесть случаев вовсе не кажутся мне типичными. Во-первых, места преступлений. Маньяк обычно действует на одной и той же территории – Чикатило, например, или битцевский маньяк. В этом же случае, выходит, территория не имеет для него значения – это очень интересно. Объединяющий фактор, разумеется, одинаковый способ убийства – и против этого, как говорится, не попрешь. Но именно способ меня и смущает.

– Почему? – поинтересовался Лицкявичус. – Чем он хуже любого другого?

– Обычно маньяк испытывает сексуальное наслаждение, мучая и убивая свою жертву. Согласитесь, использование инъекции не подразумевает ничего подобного! Джозеф Келлинджер отрезал члены мальчикам и подросткам. Карла Гомулка и Пол Бернардо демонстрировали пятнадцатилетней

Кристине Флентч видеозаписи пыток, которым подвергалась ее предшественница. Даже когда убийства не связаны напрямую с изнасилованием, налицо сексуальная подоплека подобных преступлений: гетеросексуальные мужчины-убийцы нападают на женщин; гомосексуальные – такие, как Джон Уэйн Гэси или Джозеф Келлинджер, – нападают на мужчин. В любом случае убийство служит формой сексуальной мести. И в сознании каждого маньяка власть, ненависть, подавление, убийство и секс неразрывно связаны.

– А если допустить, что маньяк – женщина? – спросила я. – Я слышала, что, хотя подобный феномен крайне редок, он все же встречается. Кажется, женщиной вполне могут двигать другие мотивы и она способна находить удовлетворение в вещах помимо секса?

Павел кивнул, соглашаясь.

– Вы правы, Агния. Однако большинство жертв – мужчины. По меньшей мере, этой женщине нужно обладать огромной физической силой...

– ...или иметь сообщника, – закончил Лицкявичус. – Смотрите, до чего мы тут договорились: группа маньяков убивает медицинских работников!

– На самом деле это не исключено, – заметил Кобзев. – Такие случаи встречаются еще реже, чем женщины-маньяки, но существуют теории групповых серийных убийств. В этом случае обычно присутствует один маньяк, разрабатывающий *идею* и *атрибуты* убийств, а его помощники помога-

ют осуществлять замысел. Я никогда в жизни не сталкивался с подобными вещами, но много читал. Возьмем, к примеру, осужденную год назад супружескую пару из Англии. Они заманивали к себе приезжих, пытали, насиловали и убивали. В подвале их дома были обнаружены останки многочисленных жертв, среди которых была их собственная дочь.

– Какой ужас! – воскликнули мы с Викой практически одновременно, но мужчины предпочли не обратить на нас внимания.

– Или вот еще один случай: супружеская чета из Англии заматывала головы жертв изолентой, оставляя только небольшие отверстия для дыхания. Идея «кровавого братства» претворилась в истории Оттиса Тула и Генри Ли Лукаса, которые познакомились уже будучи серийными убийцами. Вдвоем они продолжали свои кровавые похождения, путешествуя по стране и убивая случайных жертв тем оружием, которое подворачивалось им под руку. Это доказывает, что утверждения некоторых психологов, представляющих серийного убийцу одиночкой, неспособным к коммуникации с другими людьми, верны не во всех случаях. Многим из них «посчастливилось» найти себе друга или подругу, разделявших их пристрастия. Опять же, Кеннет Бианчи, убивавший вместе со своим двоюродным братом, уже после заключения в тюрьму вступил в контакт с писательницей Вероникой Комптон, решившей помочь ему выйти на свободу. Чтобы снять Бианчи с крючка, она согласилась удушить жен-

щину и подбросить на место преступления сперму Кеннета и таким образом запутать полицию. Однако заговор был раскрыт. А несколько лет назад всю Канаду всколыхнуло «дело Кена и Барби», так прозвали журналисты миловидную семейную пару из Онтарио за их сходство со всемирно известными куклами. Карла Гомулка и Пол Бернардо обвинялись в убийстве двух девочек-подростков...

Ну, и конечно же, Чарльз Мэнсон, в 1969 году во главе секты сатанистов совершивший несколько зверских преступлений.

Получив такую щедрую порцию «ужастиков» в течение нескольких минут, мы сидели как пришибленные не зная что сказать. Но Кобзев, как выяснилось, решил этим не ограничиваться.

– Жертвы разнополые, – продолжал он. – Более того, лишь две из них – женщины, и это удивительно и необычно. Удалось установить, не пропало ли что-нибудь из личных вещей убитых?

Карпухин озадаченно почесал в затылке.

– Трудно сказать. Дело в том, что, судя по всему, люди похищались вне дома, а тела находили обычно спустя несколько месяцев. Из-за этого трудно установить, было ли что-нибудь похищено. Известно одно: драгоценности на некоторых трупах остались нетронутыми.

– Их пытали? – спросил Кобзев.

– Нет.

– Странно... очень странно. Обычно плен используется маниакально настроенными личностями именно для того, чтобы истязать жертву и впоследствии убить.

– Может, их брали в заложники? – предположил Никита. – С целью выкупа или... ну, может, с какой-то еще целью?

– О выкупе нам ничего не известно, – возразил майор. – Родственники в любом случае знали бы об этом, а у Богатиковой, как я уже говорил, вообще никого не было, так к кому же обращаться с требованием выкупа? Кроме того, вам не кажется странным похищать ради выкупа *врачей и медсестру* – неужели не нашлось народа побогаче?! Что касается «других целей», я с удовольствием выслушаю ваши предложения, потому что самому мне ничего такого в голову не приходит!

– А почему вы спросили, не взято ли что у жертв? – задала я вопрос. – Думаете, это могли быть ограбления, замаскированные под серийные убийства?

– Звучит глупо, – заметил Леонид. – Если, конечно, убитые не выходили из дома с кейсами, полными долларов!

– Ну, не так уж и глупо, если подумать, – возразил Карпухин. – Чего только не встречалось в моей практике – уж можешь мне поверить, парень!

– Я это спросил, – сказал Павел в ответ на мой вопрос, – так как цикл поведения маньяка не заканчивается со смертью жертвы. Чтобы еще раз испытать то, что они чувствовали, совершая преступление, многие серийные убийцы уно-

сят с собой сувениры – что-нибудь из нижнего белья или какую-нибудь часть тела... Это так называемая тотемическая фаза. Напоминая о совершенном преступлении, «тотемы» тем не менее по воздействию никогда не эквивалентны настоящим предметам. И подобно тому, как наркоман не может избежать ломки, убийца все глубже погружается в депрессию и испытывает потребность убивать опять.

– Точно известно только одно, – дав Кобзеву высказаться, снова заговорил Карпухин, – двое из похищенных получали письма с угрозами.

– Что ж, это может говорить в пользу маньяка, – согласился психиатр.

– А остальные? – подала голос Вика. – Насколько я понимаю, «рисунок» действий серийного убийцы должен сохраняться неизменным?

– В той или иной мере, – кивнул Павел. – Внешние и не зависящие от него обстоятельства могут заставить такого человека изменить порядок совершения преступления, но в целом Вика права. А как вы узнали о письмах?

– Эти двое приходили в милицию. Впоследствии письма приобщили к делам об убийствах, но поначалу никаких мер не приняли: нет тела, как говорится, нет дела! Остальные, возможно, не испугались, потому и не пришли. Или решили, что в милиции, скорее всего, им ничем не смогут помочь.

– А что в них, в этих письмах? – спросила я.

– Помните, Агния, я зачитывал вам письмо, найденное

матерью Романа Извекова в ящике его стола? Так вот, те два почти идентичны ему: *«Ты знаешь, ЧТО ты сделал, и должен ЗАПЛАТИТЬ. Ты применишь кару и будешь наказан так, как требует Священное Писание. У тебя есть неделя на покаяние»*.

– Боже мой, но ведь это значит, что Роман... – пробормотала я испуганно.

– Вот именно! – часто закивал майор. – Теперь понимаете мое беспокойство?

– Но это также означает, что время еще есть, верно? Они же дали ему неделю, – заметил Леонид. – Когда пропал этот Извеков?

– Несколько дней назад – но точно меньше недели, – ответил Карпухин. – Правда, на письме нет даты, так что, возможно, мы уже опоздали.

– А что, если Извеков испугался и решил свалить от греха подальше? – выдвинула предположение Вика.

– Это вполне возможно, ведь ему, помимо всего прочего, грозили Комиссией по этике! – сказала я. – Правда, насколько я могу судить, серьезные последствия Роману не угрожали, так как он ни в чем не виноват.

– Этого мы не знаем, – впервые за долгое время снова заговорил Лицкявичус. – Комиссия по этике – организация новая, и, как обычно, чтобы оправдать свое существование, ей необходимы *громкие* дела. Охота на ведьм всегда была в моде, а потому не удивлюсь, если ваш коллега, Агния, пал бы

первой жертвой комиссии!

Я вспомнила свой разговор с Викой о том, как Лицкявичус едва не попал в состав этой организации, и подумала, что, возможно, именно по этой причине он и отказался от столь сомнительной «чести».

– Интересно, а что имеется в виду под *«наказан так, как требует Священное Писание»*? – поинтересовался Леонид. – Наказан – за что?

– Если мы говорим о серийном убийце, – ответил психиатр, – то эти слова могут вообще не иметь никакого значения. Эти люди обожают облекать свои действия в красивую оболочку – если, конечно, они достаточно образованны.

– Какие там у нас смертные грехи? – спросил Никита. – Не убий, не укради...

– Не прелюбодействуй... – добавил Лицкявичус. – Любой из них маньяк мог посчитать достойным «наказания» от его руки – если речь, конечно, о грехах, а не о воспаленном воображении психопата!

– Так вот, ребяташки, – подвел черту под разговором Карпухин, – о чем я собирался вас попросить. Как уже говорилось, это – не дело ОМР. Мне нужна только ваша профессиональная помощь. Так как все убитые в той или иной степени являлись вашими коллегами по цеху, я просил бы вас поговорить с теми, кто работал с ними бок о бок. Что касается семей, они уже опрашивались, но мне наверняка придется сделать это повторно. Если речь и в самом деле идет о

серийном убийце – или *убийцах*, – то он определенно должен был находиться рядом с жертвами. Я прав, Паша?

– В общем, да, – согласно кивнул психиатр. – Существует, конечно же, такой тип сталкера, или преследователя, который лично может даже не знать свою будущую жертву, но одержим ею заочно. В этих ситуациях речь, как правило, идет не о рядовых личностях, а о «звездах» шоу-бизнеса, политиках и других известных людях. Но наши жертвы к ним не относились, следовательно, ты прав: маньяк должен знать их лично. Возможно, не близко, но достаточно для того, чтобы иметь возможность изучить их привычки, распорядок дня и так далее.

– В этих папках, – сказал майор, указывая на лежащие на столе файлы, – находится информация по каждой из жертв, которую собрали все следователи на сегодняшний день. Если нам удастся вычислить, что связывало этих шестерых с Романом Извековым, мы найдем убийцу.

– Или убийц, – уточнил Никита.

– Или убийц, – согласился майор. – Вам, как коллегам погибших, сподручнее беседовать с их окружением, чем нам, следователям, с которыми редко откровенничают. Постарайтесь их разговорить. Возможно, среди пациентов имелись недовольные... Хотя это вряд ли, так как все жертвы имели разные специализации, а потому сомнительно, что каждый из них успел насолить одному и тому же субъекту. В общем, даю вам полную свободу действий. Однако вам придется ве-

сти расспросы осторожно, чтобы ни в коем случае не вызвать паники в медицинском сообществе. Представляете, что может произойти, если станет известно, что какой-то псих охотится за всеми, кто носит белый халат? Я вполне осознаю, что вам придется работать неофициально...

– Брось, Артем Иванович! – прервал майора Лицкявичус. – Давай без реверансов, честное слово!

– Действительно, Артем Иванович, – сказала я, – вы так часто нам помогали, хотя это и не имело отношения к вашей основной деятельности, что теперь мы просто обязаны вернуть долг, верно?

Ни один из присутствующих и не подумал возражать.

– Ну и, наконец, еще одно, – добавил майор напоследок. – Примите совет: будьте осторожны, обращайте внимание на всех странных и неадекватных людей, приходящих к вам на работу, потому что кто-то из них может оказаться именно тем, кого мы ищем.

– Что ж это, нам теперь бояться каждого пациента?! – хотнул Никита. – Может, бронежилет носить для надежности?

Эту шутку никто не поддержал. Прежде чем покинуть офис, я остановила Кадреску.

– Леонид, у меня к вам личная просьба. Не могли бы вы провести вскрытие тела, которое будет подвергнуто эксгумации по решению следователя, ведущего дело о врачебной ошибке?

– Чье тело? – поинтересовался патологоанатом.

– Маленькой девочки... моей крестницы. У меня есть подозрения, что ее смерть наступила не по тем причинам, которые указаны в отчете патологоанатома больницы, где она скончалась. Как я уже сказала, дело личное, поэтому я пойму, если вы отка...

– Позвоните мне, когда получите постановление, – перебил меня Кадреску.

* * *

Мила вновь перечитала письмо. Содержимое конверта вызывало у нее отвратительное ощущение, от которого потели ладони, и хотелось оглянуться через плечо, чтобы проверить, не стоит ли кто позади в ожидании... в ожидании чего? «...наказана, как требует Священное Писание...» – что это означает? Если письмо – шутка, то, несомненно, очень дурная. Неужели это дело рук Тимофея? Они, конечно, расстались не самым лучшим образом, но разве он мог опуститься до угроз? С другой стороны, в наше время и не такое случается, ведь Тимофей после развода потеряет прописку. Он воспользуется любыми средствами, чтобы остаться в Питере... Нет, это слишком страшно, чтобы быть правдой: Тимофей никогда не смог бы поднять на нее руку! Может, стоит сходить в милицию... И что они сделают? Да ничего, скорее всего, ведь поначалу даже сама Мила считала эту запис-

ку неудачной шуткой! Нет, в милицию она не пойдет. А о чем ей нужно задуматься? В письме неизвестный намекает на *«то, что она сделала»*... Что имеется в виду?

Звонок в дверь прервал Милены размышления.

– Кто там? – опасливо спросила она, выйдя в коридор.

– Это соседка снизу – вы нас заливаете!

Мила удивилась.

– Но у меня все выключено! – ответила она.

– Слушайте, со мной сантехник – возможно, трубу про-
рвало? Если так, то нужно срочно что-то предпринимать,
ведь у нас ремонт, сами понимаете!

Да уж, подумала Мила, ей век не расплатиться, учитывая,
какие сейчас ремонты делают!

– Ладно, – вздохнула она. – Пускай ваш сантехник по-
смотрит...

Открыв дверь, она действительно увидела на пороге муж-
чину и женщину. А в следующий момент «сантехник» сде-
лал шаг вперед и что-то плотно прижал к ее рту и носу.

* * *

Экзамены подходили к концу, но мои факультативные за-
нятия по деонтологии еще не завершились. Я несколько не
жалела о том, что сама напросилась на этот курс. Поначалу
мне казалось, что никто из студентов не захочет заниматься
таким вроде бы «ненужным» предметом, как медицинская

этика. Действительно, в начале на дополнительные занятия записались лишь несколько человек — в основном девочки. Но потом как-то незаметно моя «паства» стала прирастать. Не скажу, что с ними легко: критически настроенные и уже немного циничные, будущие медики порой давали мне прикурить. Зато это держало меня в постоянном тонусе и заставляло перелопачивать горы медицинской литературы в поисках того, чем можно было бы воздействовать на умы и души моих студентов.

Сегодня я собиралась поговорить о клятве Гиппократата. В ближайшем будущем второкурсникам предстояла клиническая практика, и им надлежало войти в непосредственный контакт с пациентами. Я доподлинно знала, что этот «первый контакт», скорее всего, окажется не самым приятным, и те, кто еще настроен романтически, быстро утратят свои иллюзии в отношении профессии медика. Конечно, многое зависит от их наставников на местах, но беда в том, что большинство врачей предпочитают использовать ребят не по назначению. Они становятся мальчиками и девочками на посылах вместо того, чтобы заниматься непосредственно врачебной деятельностью и учиться у профессионалов. Поэтому я считала просто жизненно необходимым подготовить студентов к будущей практике и «накачать» их должным образом, чтобы хватило до самого ее конца. В качестве домашнего задания я предложила ребятам внимательно прочесть клятву с прицелом ее обсуждения на занятии.

«Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакией и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство...» – зачитывала Валя Тернова, одна из моих лучших учениц. Я возлагаю на эту девочку большие надежды: у нее не только светлая голова, но и доброе сердце, а значит, она просто рождена для нашей профессии. На свой счет я несколько не обманываюсь и знаю, что далека от идеала. Тем не менее это не мешает мне мечтать о том, что я смогу правильно воздействовать на молодое поколение и привить им не только любовь к медицине, но и к главному объекту этой науки – пациенту.

Когда девушка закончила, я спросила, обращаясь к группе:

– Что вы думаете о содержании?

– Ну, та часть, где говорится о celibate, меня совсем не устраивает! – весело отозвался Леша Петров, и все засмеялись – даже я не смогла сдержать улыбки.

– Хорошо, давайте опустим это: допускаю, что в наше время сексуальное воздержание, в том полном смысле, который вкладывал в него Гиппократ, не совсем актуально. А в остальном? Какие основные принципы присутствуют в клятве?

– «Не навреди»! – выкрикнула Аня Строгина. – «Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими

силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости».

– Правильно! Ну, разве это не актуально?

– А как насчет: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла, точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария...»? – снова подал голос Леша. – Аборты совершенно легальны, если я не ошибаюсь, а эвтаназия в некоторых странах также разрешена законом!

– Согласна с тобой, – кивнула я. – Это тоже слегка устарело, но мы должны помнить о том времени, когда писалась клятва. В те дни, когда большинство детей умирали в младенчестве или появлялись на свет мертворожденными, а аборт стоил жизни сотням женщин, думаю, этот пассаж Гиппократ выглядел как никогда актуальным. Еще принципы?

– А можно еще об анахронизмах? – спросил Илья Лагутин.

– Пожалуйста-пожалуйста!

– «Клянусь почитать научившего меня наравне с моими родителями, делиться с ним своим достатком и в случае необходимости помогать ему в нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им *безвозмездно и без всякого договора*; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связан-

ным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому». Вам не кажется, что в наш век научного прогресса, стяжательства и поиска материальной выгоды это звучит несколько... несвоевременно?

Мне оставалось лишь кивнуть – против правды не попрешь!

– Соблюдение врачебной тайны! – раздался тонкий голос Оли Улищенко. – «Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной».

– Отлично! Итак, мы видим, что, несмотря на древность клятвы Гиппократата, основные идеи остаются простыми и понятными до сего дня. Все вы давали клятву на первом курсе, так что должны помнить хотя бы что-нибудь. Чем клятва врача России отличается от первоначального древнегреческого варианта?

– Ну, добавлено, что помощь должна оказываться независимо от пола, расы, вероисповедания и так далее, – сказала Марина Сомик. Эта девочка недавно родила, и я была уверена, что она бросит вуз или как минимум возьмет академический отпуск. Ничего подобного она не сделала: через три недели после родов Марина уже снова сидела в аудитории!

– А как насчет того, что присутствует во всех клятвах со времен Гиппократата, но, как показывает практика, необязательно к исполнению? – подал голос Кирилл Поляков.

– Ты о чем? – не поняла я.

– «Мне, нерушимо выполняющему эту клятву, да будет дано счастье в жизни и в работе. Нарушившему клятву да будет обратное этому и заслуженная кара», – вот о чем!

– Ну, и почему же это не обязательно?

– Да бросьте, Агния Кирилловна, вы прекрасно все понимаете! По вашему совету я собираю статьи, посвященные врачебным ошибкам и уголовным процессам над врачами. И у меня тут есть... погодите... вот! – и он протянул мне газетную вырезку, которую достал из пластиковой папки.

Я и в самом деле предлагала своим студентам коллекционировать статьи подобного рода, и мы частенько их обсуждали на занятиях. Как говорится, только дурак учится на своих ошибках, а чужие и в самом деле могут позволить избежать собственных. Статья, переданная мне Кириллом, была озаглавлена: «Приговор в законную силу не вступил». В ней шла речь о том, что врач-анестезиолог муниципального учреждения здравоохранения «Суздальская центральная районная больница» была привлечена к суду по части второй статьи сто девять УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей). В приемное отделение центральной районной больницы бригадой «Скорой медицинской помощи» был доставлен пятидесятилетний житель города с диагнозом желудочно-кишечное кровотечение. На следующее утро из хирургического отделения он был переведен в от-

деление реанимации и интенсивной терапии для подготовки возможного операционного лечения. В связи с этим врач приняла решение о проведении терапии в форме переливания крови, заказала и получила из областной станции переливания крови эритроцитарную массу и свежезамороженную плазму, соответствовавшую крови больного.

– В чем вы видите ошибку, Кирилл? – поинтересовалась я, быстро зачитав вслух содержание статьи.

– Я бы не назвал это ошибкой, Агния Кирилловна: это – самая натуральная халатность! Правила требуют проведения серии обязательных контрольных исследований, в том числе биологической пробы и пробы на индивидуальную совместимость непосредственно у постели пациента. Врач нарушила инструкцию и таких исследований не провела.

– Верно, – кивнула я. – Здесь сказано, что при проведении интенсивной терапии у больного начали проявляться клинические синдромы, требовавшие немедленного отказа от проведения процедуры, однако врач ввела ему внутривенно медицинские препараты и продолжила операцию.

– И еще там написано, что только при оформлении медицинской документации врач обнаружила, что перелила пациенту двести пятьдесят миллилитров эритроцитарной массы несовместимой крови.

– А что с пациентом-то? – спросила Аня.

– А пациент на следующее утро умер в отделении реанимации от шоковой реакции организма на несовместимую

кровь, – пояснил Кирилл.

– И какой вывод можно из всего этого сделать? – задала я вопрос, обращаясь ко всей группе.

– Нельзя ошибаться! – выкрикнул Илья со смешком.

– Еще мнения имеются?

– Надо соблюдать инструкции, – ответила Оля. – Их не просто так писали, в конце концов!

– Правильно, Оля, – кивнула я. – Что же касается замечания Ильи о том, что нельзя ошибаться... Знаете, говорят, что у каждого врача – свое кладбище, и это – не пустые слова. Как и представитель любой другой профессии, врач может ошибаться, но, к сожалению, в случае *врачебной* ошибки пациент, как правило, умирает.

– А вы с таким сталкивались? – спросила Марина.

– Да, Агния Кирилловна, – поддержал девушку Кирилл. – Насколько большое кладбище у *вас*?

– Заткнись! – зашипела Аня, но я остановила ее взмахом руки.

– Погодите, это не секрет, – сказала я. – Пациенты и в самом деле умирали у меня на столе, но мне повезло, потому что ни один из них не умер из-за того, что именно я сделала что-то не так. Лишь однажды больной не перенес анестезию, но не потому, что была передозировка или неправильно подобран наркоз.

– Тогда почему он умер? – спросила Марина.

– Не выдержало сердце. Операция была неплановой, па-

циент поступил по «Скорой». Естественно, ему были проведены определенные исследования – насколько позволяло время. ЭКГ выглядело не слишком обнадеживающе, но у нас не было выхода, иначе больной бы умер.

– И он таки умер, – резюмировал Илья. – А вам устраивали взбучку, Агния Кирилловна?

– Было разбирательство, – ответила я. – Мои действия признали правомерными.

– А что с той теткой из статьи?

– Судя по названию, – сказал за меня Кирилл, – она выкрутилась – вот вам и «заслуженная кара»!

– Ну и правильно! – отозвался Илья. – У меня в семье несколько поколений врачей. Отец вообще говорит, что если за каждую провинность привлекать медиков к суду, то лечить людей станет некому!

– Так ты считаешь, что пациент должен быть готов к счету три – один? – спросила Оля.

– То есть?

– В моей семье тоже есть медработники, и этот счет означает, что если один из трех пациентов выживает, то это уже удача!

– А правда, – вдруг спросила Марина, – что сейчас создан какой-то специальный Комитет по медицинской этике?

– Комиссия по этике, – поправила я. – Да, правда. Раньше не существовало органа, способного лишить медика лицензии и запретить ему практиковать. Теперь это станет воз-

можным.

– Еще не легче! – воскликнул Илья. – Если лишить медработника права на медицинскую практику, то куда он пойдет? Он же ничего больше не умеет делать! Грузчиком, что ли?

– А если руки не из того места растут, так хоть грузчиком! – резко ответила Оля. – По крайней мере, больше никого не убьет!

– Ну, если только ящиком или мешком придавит! – хохотнул Кирилл.

– В Америке, между прочим, этого не боятся, – поддержала подругу Аня. – Лишают лицензии на раз!

– Ты не совсем права, – возразила я. – Во-первых, это не так просто, и отчасти Илья прав: медик – не просто профессия, это образ жизни, поэтому процесс лишения лицензии является длительным и сложным даже в Америке. Кроме того, и в их законе существуют лазейки. Например, даже если по решению комиссии лицензия врача становится недействительной в большинстве штатов, он все равно может продолжать работать в некоторых других. Таким образом, можно сказать, что переезд решает все проблемы!

– Тогда вообще зачем огород городить? – пожал плечами Илья. – Россия – страна большая, всегда можно найти место, где никто не узнает о том, что ты не имеешь права работать врачом!

– Мир несовершенен, Илюша, – улыбнулась я. – Но это не значит, что нужно отказаться от мысли сделать его луч-

ше, правда? А что касается врача из статьи Кирилла, то я вам зачитаю, пожалуй, чем дело кончилось: «По ходатайству следователя судом Долмацкая была временно отстранена от занимаемой должности. Приговором суда Долмацкой назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком на два года. Одновременно Долмацкая лишена права заниматься врачебной деятельностью на срок два года шесть месяцев. Приговор в законную силу не вступил».

* * *

Моя первая попытка выполнить просьбу Карпухина узнать все, что возможно, об убитой акушере-гинекологе Юлии Устименко, успехом не увенчалась. Я отправилась в больницу, где она работала, и, проведя несколько часов в беседах с ее коллегами, пришла к выводу, что никто не может толком ничего рассказать. В основном все удивлялись моему появлению, зная, что в гибели Юлии обвинили ее мужа и он сейчас отбывает срок. Однако мне удалось все же отыскать одну женщину, которая призналась, что поддерживала с Устименко дружеские отношения. Звали ее Эльмира Докуева.

– Значит, муж Юли не виноват? – спросила она меня, когда мы уселись в ординаторской. – Я так и знала!

– Я не говорила, что он не виноват. А почему вы «так и

знали»?

– Да он мухи не обидел бы, вот почему!

– А вы что, были с ним знакомы? – удивилась я.

Эльмира выкатила на меня глаза.

– Ну разумеется, мы знакомы, ведь Толик работал тут за-долго до того, как появилась Юля!

Такой информации в файлах, выданных майором, не со-держалось.

– Значит, Анатолий Устименко и Юлия работали в одной больнице?

– Ну да, говорю же!

– Но они же вроде бы находились в состоянии развода?

– Находиться-то они находились, – закивала Эльмира, – да только ведь это Юлькина идея была, а не Толина!

– Неужели?

– Да нашла она себе хахалю, понимаете, из бывших боль-ных. Правда, мы ей все говорили, что с пациентами связы-ваться не стоит...

– Погодите-ка, – остановила я женщину. – Насколько я понимаю, Юлия работала акушером-гинекологом – как она могла связаться со своим *пациентом*?

– Ой, ну это я так сказала! На самом деле он, конечно, Юлиным больным не являлся. Здесь его жена лежала – вся больная такая... У нее не только по женской части проблемы имелись, но вообще – где только их не было! В общем, му-жику, видать, надоело ее по больницам возить да передачи

таскать, а тут Юлька, вся такая здоровая, как лошадь, симпатичная, разбитная. Правда, она была замужем, но Юля всегда считала свой брак неудачным.

– Почему же?

– Да она Толика тряпкой называла, говорила, что не мужик он... А я вот считаю, что ей с Толей здорово повезло. Несмотря на то что Юля детей не могла иметь, Толя все равно с ней оставался. Он думал, что у них все в порядке, что они полноценная семья, хоть и без ребенка. Толя и по дому успевал, и с собаками гулять, и на работе на хорошем счету... Мы тут все прямо упали, когда узнали, что его в Юлькиной смерти обвиняют!

– А этот ее бывший пациент – вы его хорошо знали?

– Да какое там хорошо – так, видела пару раз. Ничего особенного, скажу я вам! И чего это Юлька так в него втрескалась, не понимаю.

– Они вместе жили?

– Ага, пару месяцев жили, – усмехнулась Эльмира. – Толика выгнали, представляете? Он к матери вернулся жить, как побитый пес, а квартиру, которая, между прочим, ему принадлежала еще до их свадьбы, оставил бывшей жене с ха-ха-ха! Да следователь нас допрашивал после того, как Юлю нашли, я ему про этого мужика все рассказала. А они все равно к Толику прицепились!

– Ну, хорошо, – вздохнула я. – А еще вам что-то известно об окружении Юлии? Может, люди какие-нибудь подозри-

тельные вокруг нее крутились?

– Да нет, не сказала бы. Но вы знаете, ведь Юля не так давно тут работала, всего год, наверное.

– Интересно, а *до того* где она обреталась?

– В какой-то другой больнице – она ни разу не упоминала. Говорила только, что решила к мужу перебраться поближе, так как они редко видятся. К мужу поближе, а через полгодика хахаля себе нашла!

Разговор с Эльмирой меня озадачил. Получается, следствие по делу Юлии Устименко велось однобоко. Почему, скажите на милость, следователь прицепился именно к Анатолию, а на нового сожителя Юлии внимания не обратил? Неужели только потому, что она с ним разводилась и квартира могла стать предметом ссоры между супругами? И где этот сожитель Устименко – неужели по-прежнему живет в их с мужем квартире? В любом случае нужно выяснить, где Устименко работала до того, как перешла в эту больницу. Видимо, придется повидаться с ее мужем-сидельцем.

Когда я садилась в маршрутку, позвонил Леонид.

– Могу вас порадовать, Агния, – бодро заявил он, – ваша девочка действительно умерла не от СВС. Хотя я и так знал, что это полная чушь!

Признаюсь, меня несколько покорило выражение «порадовать» в данных обстоятельствах, но надо знать Леонида, чтобы не придавать словам большого значения.

– Каково ваше заключение? – спросила я, сглотнув комок

в горле.

– В общем, так: ей ввели пестицид, а точнее, карбофос...

– Что-о?! Вы понимаете, что говорите, Леонид?!

– То-то и оно, Агния, – нарочно не придумаешь, да?

– Но как такое могло случиться?

– Трудно сказать, но не думаю, чтобы врач сделала это преднамеренно: сами посудите, кому может помешать полуторагодовалый ребенок?

Действительно, трудно даже предположить такое!

– Жаль, что ампул не осталось, – продолжал Леонид. – Но я думаю, что проблема заключается в «воде для инъекций»: видимо, каким-то образом карбофос оказался в той ампуле – уж не знаю, зачем эта баба держала у себя дома пестициды, да еще и там же, где лежат лекарства! Таким образом, я бы сказал, что девочка умерла от острого отравления карбофосом... хотя использовался еще и цефатоксим, который никак нельзя было вводить такому маленькому ребенку.

Я молчала, находясь в прострации от услышанного.

– Эй, вы еще там, Агния? – поинтересовался патологоанатом.

– Д-да...

– Мне сообщить Андрею Эдуардовичу или вы сами?

– Спасибо, Леонид, я сама все сделаю.

Мне еще предстояло рассказать подруге о том, что в действительности произошло с ее маленькой дочкой.

– Ты собирался рассказать мне или думал, я сама догадаюсь? – сердито спросила я, столкнувшись с Олегом в коридоре.

– Ты о чем? – кисло отозвался он.

– Я о комиссии. Уж если кого и трясти, так это Извекова, а он в бегах... или где-то еще. А ты при чем?

Сегодня утром я неожиданно выяснила, что в *моей* больнице работает Комиссия по этике – спасибо Лицкявичусу за предупреждающий звонок! Несмотря на заключение патологоанатома, они решили всерьез взяться за врачей, принимавших участие в операции, так как семейство Свиридина сдаваться не собиралось. С одной стороны, я их понимала, с другой – дело касалось моего собственного мужа. Конечно, любая смерть больного на операционном столе – не только стресс для врачей, но и повод для разбирательства.

– Им все равно ничего не удастся доказать, – оправдывался Шилов. – Успокойся, пожалуйста, и постарайся рассуждать здраво. Просто так неудачно сложились обстоятельства. Так как бояться нам нечего, этот процесс не затянется, поверь мне, Агния!

– Ты не понимаешь! – воскликнула я. – Комиссия здесь именно для того, чтобы вас *раскрутить*! Им *нужно* найти виноватых и оправдать свое существование, они хотят про-

вести парочку образцово-показательных процессов и привлечь к ответу *недобросовестных* медицинских работников. Если ты полагаешь, что комиссия, выяснив правду, уберется восвояси, то глубоко ошибаешься: они станут искать даже то, чего на самом деле нет!

– Поживем – увидим, – хмыкнул Олег, устав со мной пререкаться. Он вообще этого не любил и совершенно не умел: из любого нашего спора я выходила победительницей, чувствуя при этом, что безнадежно проиграла, так как Шилов просто переставал отвечать на мои обвинения и замолкал.

Оставалось лишь надеяться, что комиссия правильно подойдет к делу и не станет устраивать охоту на ведьм, как предвидел Лицкявичус. Хотя, насколько я успела подметить, глава ОМР ошибается крайне редко.

* * *

Раби встретил меня приветливо – впрочем, как и огромный дог Лицкявичуса. Судя по всему, у главы ОМР гости случаются редко, и потому, когда их уединение нарушалось, и домоправитель, и пес радовались любому изменению в обстановке.

– А-а, женщин, который любит сладкое! – весело воскликнул Раби, открывая ворота и впуская меня внутрь, пока дог вился возле моих ног. – Заходи-заходи, будем чай пить, да?

В мой первый приезд к Лицкявичусу Раби угощал меня

восточными сладостями. Этот таджик средних лет ухаживал за домом главы ОМР и за самим хозяином, как заботливая мамаша, и только ему позволялось ругать «доктора», как Раби сам его величал, без риска навлечь на себя его гнев. Мне даже казалось иногда, что Лицкявичус побаивается своего домоправителя. Раби содержал дом в безукоризненном порядке: в саду работают поливалки, а на аккуратных, чисто выполотых грядках растет всевозможная зелень. Яблоневые стволы до половины выкрашены белой краской, а небольшие клумбы с какими-то цветами свидетельствуют в пользу того, что Раби отнюдь не чужд эстетики. Думаю, правда, что Лицкявичуса вряд ли интересовали цветочки: принимая во внимание его характер, он их вообще не замечал. Кроме того, Раби заботился и о здоровье хозяина, которое после ранения и контузии сильно пошатнулось. Совершенно случайно я узнала, что отец Олега, нейрохирург, вытаскивал из черепа Лицкявичуса осколок снаряда – вот так, оказывается, тесен мир. Если бы не этот факт, возможно, мы бы не встретились и нынешний глава ОМР, скорее всего, продолжал бы колесить по «горячим точкам».

Честно говоря, я сама напросилась на эту встречу, и глава ОМР, по-видимому, не слишком-то обрадовался моему визиту. Я знала, что он по натуре одиночка и не любит, когда вокруг крутятся другие люди, если дело, разумеется, не касается работы. В этот раз я собиралась поговорить с ним о личном, а потому не была уверена, захочет ли Лицкявичус

мне помочь.

– Ну, и что у вас за пожар?

Именно этими словами встретил меня хозяин дома. Подобно тому, как у каждого человека имеются свои словечки для выражения всевозможных эмоций, эти слова являлись своеобразной визитной карточкой моего босса. Он стоял в полукруглом холле лицом к окну, за которым просматривалась часть сада и улица, и повернулся на мой голос.

– Я насчет Комиссии по этике...

– А-а, – вяло протянул Лицкявичус. – Понятно.

– Садись, пожалуйста, – предложил Раби, указывая на один из длинных кремовых диванов, расположенных вокруг журнального столика. Всего их насчитывалось три, и соседний тут же оккупировала собака, устроив свою огромную умную морду на подлокотнике. – Я принесу чай.

– Кофе принеси, – сказал Лицкявичус.

– Не-а, – затряс головой домоправитель. – Какая кофе, слушай? Тебе врач запретила...

– Я сам врач! – грозно зыркнул на Раби Лицкявичус.

– Какая ты врач, слушай? Дуешь кофе с утра до вечера, дымишь, как мангал, а потом Раби за таблетками бегай и лечи тебя, да? Чай принесу, да?

И, сердито качая головой, домоправитель удалился в сторону кухни.

– Да, Андрей Эдуардович, тяжелая у вас жизнь! – сочувственно проговорила я, опускаясь на мягкий диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.